

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynaalexander.ru/> приятного чтения!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын

киносценарий
для экрана
переменной формы

Д Е Й С Т В У Ю Щ И Е Л И Ц А:

П а в е л Г а й, Т-120

П е т р К л и м о в, Т-5

И в а н Б а р н я г и н, летчик, Герой Советского Союза

В л а д и м и р Ф е д о т о в, Р-27, студент

В и к т о р М а н т р о в, его однодевец

А л е к с а н д р Г е д г о в д, ы-448, "Бакалавр"

Ч е с л а в Г а в р о н с к и й, Р-863

Г а л а к т и о н А д р и а н о в и ч, хирург

Д е м е н т и й Г р и г о р ь е в и ч М е ж е н и н о в, ботаник

Е в д о к и м о в, полковник

Т и м о х о в и ч, бригадир

П о л ы г а н о в, бригадир

К и ш к и н, Ф-111

Б о г д а н, глава бандеровцев, ы-655

М а г о м е т, глава мусульман

А н т о н а с, литовец

Х а д р и с, ингуш

Ю р о ч к а, молодой врач

П о ж и л о й н о р м и р о в щ и к

А у р а, литовка

С-213, секретарь прораба, лагерный скрипач

К о к к и А б д у ш и д з е

В о з г р я к о в, С-731

Ч е р е д н и ч е н к о, майор, начальник ОЛПа

Н а ч а л ь н и к о п е р ч е к и с т с к о г о о т д е л а

С т а р ш и й о п е р у п о л н о м о ч е н н ы й

Б е к е ч, лейтенант, начальник режима

Н а ч а л ь н и к К В Ч

Н а ч а л ь н и ц а с а н ч а с т и

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Надзиратель с угольным лицом

Надзиратель - "морячок"

Политрук

Прораб

Десятник

Заключенные Особлага в номерах.

Надзиратели. Конвойные офицеры, сержанты, солдаты. Танкисты.

Во вступлении и эпилоге:

Муж

Жена

Альбина

Оркестранты, официанты, Курортная публика.

Значок "" означает монтажный стык, то есть внезапную полную смену кадра. В остальных случаях подразумевается, что последующий кадр получается из предыдущего плавным (панорамным) переходом.

Надписи, начатые с левого края страницы, означают музыкальное и всякое звуковое сопровождение.

.....

УЗКИЙ (ВЕРТИКАЛЬНЫЙ) ЭКРАН.

Кипарисы! Вытянулись!.. Исчерна-зеленые.

У их подножья - снование маленьких людей. Далеко за вершинами скалистые горы в клубящемся туманце.

ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Курортная аллея под ними. Газоны. Стволы и стебли знают свое место.

И все же хорошо...

Идут курортники нам навстречу в веселом пестром легком. В чалмах самодельных. Защитных очках. И с мохнатыми полотенцами.

Шуршит под ногами гравий. Обрывки неясные речи. Звук подъехавшего автомобиля.

Из "волги" выходят - Дама со слишком золотистой прической, ее Муж в чесучевом костюме, Девушка и Мантров, подобранный, довольно молодой. Они заперли машину и идут по аллее то в тени, то на солнце. То сквозь тень, то сквозь солнце.

Свисают ветви с бледно-розовой ватой цветов.

Они идут мимо киоска сувениров.

Мимо скамей, где отдыхают грузные курортники и грузные дети.

Открывается крутой откос вверх. По откосу - широкие ступени, декоративный кустарник.

Они поднимаются. Вверху - веранда, парусиновые пологи над ее пролетами. Над входом надпись: Ресторан "Магнолия".

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
оттуда доносится музыка.

Муж дамы:

- Ну как, Виктор? Выдерживаешь?

У Виктора сдержанная, но располагающая улыбка, ясный взгляд. То ли рассеянность, то ли растерянность:

- Не знаю. Еще не могу привыкнуть. Золотистая дама:

- Ах, Витенька! К хорошему люди привыкают легко! К хорошему мы вас быстро вернем. Правда, Альбина?

Девушка в той поре, когда всякая хороша. Мило-диковатая прическа. Улыбается вместо ответа.

ресторанная музыка ближе и громче.

Они уже - под шатром веранды. Белизна и сверкание столов.

Есть свободный, они садятся.

В прозор между балюстрадой и пологом - вершинки кипарисов где-то близко внизу, а за ними - море, море... Беленький пассажирский катерок.

веселенькая разухабистая музыка.

Муж

- Нет! Поразительное и удивительное не что Виктор там был, а что он оттуда вернулся! Невредимым!

Дама:

- Страдалец! Чего он там натерпелся! И ничего не хочет рассказать!

Мантров смотрит ясными глазами, улыбается умеренно:

- К сожалению, я ничего не помню. Я - все забыл...

Море - во весь экран, лишь край полога наверху, колонка веранды. И внемлющий профиль девушки:

- Но сейчас-то вам - разве плохо?

только голос его:

- Хорошо бесконечно.

Море. И профиль девушки.

В кадр входит плечо и темя официанта, наклонившегося к их столу:

- Антрекот - два, фрикассе из лопатки - раз... Суфле лимонное четыре...

Голова Мантрова запрокинулась, кадык ходит по горлу:

- Будто в насмешку...

Общий вид ресторана. Чистая кушающая публика. Дородные официанты просторными проходами снисходительно разносят подносы. Две пары покачиваются между столиками. На эстраде - маленький оркестр: струнные, саксофонист, ударник.

бесшабашный мотивчик. Голос Мантрова:

- Будто в насмешку вот такой же оркестрик по воскресеньям играл и там...

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Скрипка и виолончель и движущиеся их смычки остаются резкими. Остальные
инструменты и все оркестранты расплываются...

..... но резко
звучит все тот же, все тот же распущенный мотивчик.
.....

И проступают четверо оркестрантов в черных спецовках, и черных картузиках. Над
козырьками картузиков, выше сердца на спецовках и над левыми коленями у всех -
белые лоскутки с черными номерами. У первой скрипки, одутловатого парня с
добродушным видом, - номер С-213.

Стулья оркестра - на маленьком сколоченном возвышении около квадратного столба,
посреди огромной столовой, где в два ряда идут такие же столбы. И тесовые грубые
ничем не покрытые столы - в четыре долгих ряда. И за каждым столом - по десятку
заключенных, лицами к нам и спинами к нам (меж лопаток у каждого - тоже лоскут с
номером).

В проходах - тесно. Проталкиваясь среди приходящих и уходящих, одни заключенные
несут деревянные подносы с полными мисками. А иные собирают пустые миски,
накладывая их друг в друга горкой до двадцати. И из мисок, в каких остается,-
выпивают, вылизывают остатки.

Едящие. Грязная публика. Их плечи пригорблены. Лица - нетерпеливо голодны.

Те - жадно заглядывают в миску к соседу.

А тот пробует ложкой - пуста попалась ему баланда!

Молодой парень снял шапку и крестится перед едой.

та же счастливая подпрыгивающая мелодия. Только танцевать!

И один сборщик пустых мисок подтанцовывает. Собирая миски, он неприлично
подбрасывает зад то правым, то левым боком, горку мисок обнимая как партнершу.
Лицо у него круглое, придурковатое. И все приемы юродивого. И одет он
по-дурачки: сверх черной спецовки какая-то зеленая рваная жилетка, к которой
приколот кумачовый бантик, как на первое мая. На спине жилетки и на груди мелом
выведен тот же номер, что на фуражке: Ф-111.

Обедающие смеются над ним:

- Кишкин не унывает!

КРУПНО.

Парень наклонился над миской, весь ушел в жеванье голого рыбьего скелетика,
свисающего у него изо рта. Тут на столе, между мисками, много наплевано таких
костей. Вдруг чья-то рука со стороны трогает его ломтик хлеба, лежащий рядом.
Парень вздрагивает и двумя руками ухватывается за свой хлеб. Но, подняв глаза,
улыбается:

это Кишкин хватал, теперь отпускает, его круглое лицо в улыбке:

- Все вы такие. Пока вашей пайки не тронь, вы ни о чем не спохватитесь.

И уже пританцовывает с пустыми мисками дальше. Вдруг поставил горку на край
другого стола и наклонился к сидящим:

- Ребята!..

Его голова над столом и несколько обедающих. К нам лицом: Мантров, стриженный
наголо, с номером над сердцем, как у всех, и Р-27, юноша с очень впалыми щеками,
с быстрыми сообразительными глазами, необщим выражением лица.

- Ребята! Если батька - дурак, а матушка - проститутка, так дети будут сытые или
голодные?

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
- Голодные!

кричат ему, предвидя забаву. Мантров лишь рассеянно взглядывает, продолжая аккуратно есть. Р-27 остановил ложку, с интересом слушает, как и соседи. Кишкин разводит руками:

- Разделите семь-восемь миллиардов пудов (прим.- "7-8 миллиардов пудов" - настрявший вдолбленный лозунг сталинских 30-х годов о советском обильном урожае) на двести миллионов человек. Сколько получится?

И, обняв миски, приплясывая, исчезает из кадра. Он оставил недоумение. Все считают. Р-27 трясет за плечо сдержанного Мантрова:

- Слышь, Витька, какая простая мысль! Ай да Кишкин! Я никогда не считал. Значит, это будет...

Но Мантров не увлечен, он методично высасывает с ложки жижицу баланды. Р-27 оборачивается к соседу с другой стороны - к Р-863:

- Пан Гавронский!

У Гавронского - удлиненное лицо с тонкими чертами. Он тоже считал. Он говорит почти без акцента, но с затруднением:

- Сорок пудов в год. Два килограмма в день. Даже на ребенка в люльке.

С кривой улыбкой жалости он берет с тряпицы на столе свой кусочек хлеба.

ВО ВЕСЬ ЭКРАН

его ладонь с этой неровно обломленной ничтожной корочкой.

всплеск наглой музыки!

Невозмутимо пилит смычком одутловатый скрипач С-213.

ЗАТЕМНЕНИЕ МЕДЛЕННОЕ.

ба-бам! - оглушительно бьют железом о рельс.- Ба-бам!

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ КРУПНО.

Рука в гимнастерке медленно бьет молотком о висящий качающийся рельс.

На алом восходном небе - черный силуэт зоны: вышки черные по краям экрана, соединенные сплошным забором, над ним - заостренные столбы с фонарями и колючая проволока во много нитей. Черная.

Зона медленно проплывает, как видна она изнутри.

Одна вышка переходит в другую. И снова проволока. Потом полукругло вытянутые верхушки ворот.

Ворота - выше забора. Они - двойные во всю их высоту. Простые, деревянные. Но что-то готическое в них. Что-то безысходное.

Только тут смолкают мерные удары в рельс.

Ворота распахиваются к нам.

А МЫ ОТСТУПАЕМ.

И видна теперь долгая прямая "линейка" - дорога, ведущая сквозь ворота. Ничем не обсажена, голая, меж барakov.

На ней - три тысячи спин! Три тысячи спин по пять в шеренгу! В одинаковых черных курточках с крупными белыми лоскутами, пришитыми меж лопаток неаккуратно, неровно - номера! номера! номера!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

МЫ ПЛЫВЁМ

над колонной, как над таблицей логарифмов.

КРУПНО.

Артистическая рука с кисточкой. И одна такая спина. Кисточка кончает выписывать номер: Ы-448.

Человек поворачивается. Он выше окружающих, даже долговяз. Лицо худое. Пока тот же номер ему выписывают над козырьком шутовского картузика, он говорит:

- Гран мерси! Вы очень любезны. Как сказал некий поэт: "Есть еще хорошие буквы - Эр! Ша! Ы!"

За его спиной торопливое движение.

голос:

- Гедговд! Бакалавр!

Ы-448 из-под кисти бросается догонять.

Разведя полы своих черных курточек, пятерки арестантов отделяются от колонны и проходят отдельно на обыск.

Пять надзирателей с голубыми погонами и голубыми околышами фуражек стоят прочно, расставив ноги, и в обнимку принимают и обхлопывают заключенных.

Пройдя обыск, заключенные добегают к воротам и снова выстраиваются по пять.

За воротами снова счет:

- Одиннадцатая! Двенадцатая! Тринадцатая!..

Названная пятерка отделяется от задней колонны и переходит в переднюю.

А там - еще один пересчет.

Кругом - оцепление автоматчиков. Автоматы наизготове. Угрожающие нахмуренные конвоиры.

В строю - Гедговд. Он что-то заметил в стороне, просиял, тормозит соседей:

- Посмотрите, посмотрите, бригадир! ЧЕСлав! Гавронский! Скорее! Вон, где машины ждут каменный карьер.

С ним рядом Р-863, тонконосый Гавронский, и бригадир Т-5, могучий парень, широколицый, курносый. Он поворачивается туда же:

- Ну-у-у!..

Они видят:

в косом радостном свете восхода стоят два потрепанных ЗИСа с пустыми кузовами, передняя часть которых отгорожена железной решеткой. За решетками сидят на крышах кабин по конвою. Автоматы их до времени беспечно лежат на коленях, но уже и сейчас направлены дулами в кузова. Внизу, прислонясь к борту одного из ЗИСов, ждут в бравых позах остальные конвоиры. Они как будто застыли, фотографируясь. Станковый пулемет выставлен у их ног. Но где же их офицер?.. В кабине на командирском месте сидит и высунулась сквозь окошко дверцы большая овчарка. Умная злая морда. Оскаленные зубы. Смотрит на нас,

на колонну заключенных. Длинный Гедговд в строю поднимает длинные пальцы:

- Ах, как забавно! Страна восходящего солнца!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Опять тот же живописный неподвижный снимок – конвоиры залиты утренним солнцем. И собака не поведет головой.

Бригадир Т-5 усмехается:

– Сторонники мира!

Они трое, рядом. Гавронский впился в увиденное. Его лицо опалено шляхетским гневом.

Аккорды 12-го этюда Шопена доносятся как ветерок. Он шепчет:

– Да-а... Они – за мир!

Конвоиры, ЗИС, собака высунулась. Никакого движения. Фотография!

... Они – сторонники мира! Такого мира, чтоб автоматы и собаки были у них, а мы...

траурные ритмы. Тихо, во настойчиво.

Долгая колонна заключенных, руки за спину, головы опустив, тянется уныло, как на похоронах. В двадцати шагах от нее слева и справа – автоматчики, колонной по одному, в разрядку.

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ

Колонна и автоматчики видны нам сверху. Длинные черные тени от невысокого солнца.

И не одна эта колонна, а много их, расходящихся степными дорогами от главных ворот.

И весь лагерь сверху – прямоугольник, обнесенный забором и вышками. Внутри еще заборы в зоны, бараки, линейки и ни деревца.

МЫ ОПУСКАЕМСЯ

к одной из выходящих колонн, к другим воротам.

Эта колонна – женщины... С такими же номерами на груди, на спине, на шапке, на юбке. В таких же платьях и телогрейках, забрызганные глиной, штукатуркой.

ВЕСЬ КАДР БРЫЗГАМИ РАЗЛЕТАЕТСЯ.

Это – брызги щебня от камня,

от молота, опускаемого черной рукой заключенного, дробящего камень на щебень. Однообразно он поднимает и опускает молот.

стук многих молотков по камню.

Целая бригада заключенных сидит на земле, на камнях – и бьет камень на щебень, камень на щебень.

Не трудно как будто, а говорить не хочется. Не трудно как будто, а работа каторжная.

И так же вручную другие зэки относят набитый щебень носилками.

Медленно относят. Еле покачиваются спины их с латками-номерами.

Они вносят носилки на помост и высыпают щебень в пасть бетономешалки.

гудит бетономешалка.

И следующие туда же.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
и следующие.

А внизу в подставляемые носилки-корытца бетономешалка выливает бетон.

И этими корытцами пары зэков несут и несут бетон.

Все – одной дорожкой, как муравьи.

Как муравьи.

И – трапом наверх. И идут по лесам вдоль опалубки.

И выливают свой бетон. И назад.

Торчат, уходят вдаль вертикальные стойки лесов и опалубки. Вспышки
электросварки.

Большое поле стройки вокруг здания. Нагорожено, наставлено, навалено. Строятся и
другие здания.

Клочок строительного поля.

КРУПНЕЕ.

Земля вылетает из траншеи от невидимых лопат. Сбоку – ноги стоящего в лагерных
тупоносых ботинках.

из траншеи голос:

– Бригадир! Ну, смотри, опять обвалилось. Как копать?

От ботинок на вверх – и весь бригадир, Т-5. Очень хмуро он смотрит

вниз, в траншею. Она уходит за оба обреза экрана – узкая глубокая щель с
обвальными песчаными краями. Там внизу, когда копающий наклонится, – кажется, он
совсем на дне, черепаха с белой латкой на спине. Сюда наверх, в нас, летят из
траншеи сыпки с лопат.

шорох сыпков земли.

Их четверо копает. Озабоченный низенький мужичок с черной небритой щетинкой. И
Гавронский, Р-863. Но только долговязый Гедговд, распрямившись, почти достает до
верха траншеи. Он опять улыбается:

– Покойная мама всегда предупреждала меня: Саша, ты плохо кончишь! Ты кончишь
плохо – ты женишься на проститутке!.. Но боюсь, что до этого заманчивого конца я
не доживу! Вчера Сатурн зловеще вступил в восьмой квадрат. Это очень меня
беспокоит.

Бригадир хмурится. И слушает и не слушает.

– А ну-ка, Бакалавр, пошли со мной.

Наклоняется и протягивает руку Гедговду. Тут уцепился, карабкается из траншеи.
Выбрался, но из-под ног его обваливается косяк песчаной стенки. Гедговд
оборачивается, качает головой.

И – вслед за бригадиром. Тот быстро шагает, широкая спина.

Мимо них опять – с носилками, с носилками...

И сидит на земле, как на восточном базаре, та бригада, что бьет камень на
щебень.

удары молотков о камень.

И тачки катят вереницей, железные тачки. "Машина ОСО"! – две ручки, одно
колесо...

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

грохот тачек, повизгивание колес.

Вот и подходят – близится дощаное временное здание, на фанерной двери кривая надпись углем: "контора". Бригадир обернулся:

– Подожди меня здесь, Бакалавр. Если еще раз откажут, так мы... Обещающе кивнул, вошел в контору.

Мимо Гедговда Проходит автомобиль-самосвал и останавливается перед вахтой, тоже дощаной некрашеной будкой. Гедговду видно, как из вахты выходит ефрейтор, подходит к кабине шофера, проверяет его пропуск. На подножку вскочил, заглянул в кузов – не уцепился ли кто там? Потом прошел

к воротам – двойным, решетчатым из брусков. Внутренние развел внутрь, внешние – наружу.

А между конторой и вахтой – трое заключенных ошкурят топорами длинные бревна. стучали топорами – и перестали разом.

По всему низу экрана тянется их бревно. А они подняли глаза от топоров и покосились

туда, на открытые ворота. Самосвал, покачиваясь, прошел сквозь них.

а сзади нас – опять сигнал грузовика.

Ефрейтор от ворот оглянулся, но не оставил ворот открытыми, свел и внешние и внутренние.

Трое опять наклонились над бревном, работают.

стучат их топоры.

Опять самосвал, минув нас и Гедговда, подошел к вахте. Ефрейтор повторяет все сначала: проверяет пропуск, осматривает кузов, заглядывает меж колес. И так же идет к воротам, открывает внутренние, разводит внешние.

топоры смолкли.

И все трое (лицо одного выделяется щедрой мужественностью) смотрят опять от своего бревна...

...на то, как выходит грузовик в свободные ворота. Как заводит ефрейтор наружные, закрывает внутренние.

А дальше от ворот – колючая проволока во много рядов. Столбы.

И вышка. На ней – часовой. Свесился через барьерчик, смотрит сюда, дуло карабина высовывается над барьерчиком. А с наружной стороны вышка обшита тесом, от ветра. Ведь ему туда не стрелять.

застучали топоры.

ШТОРКА. ПОСЛЕ НЕЁ ШИРОКИЙ ЭКРАН ПРЕВРАТИЛСЯ В ОБЫЧНЫЙ.

Комната конторы. За канцелярским столом – худой мужчина в форменной фуражке с молоточком и ключом – прораб. Рядом со столом прораба сидит майор МВД, очень жирный. Сбоку стоит С-213, он принес прорабу подписывать бумаги. Он сейчас – деловой, крепенький, и ломком бы мог ворочать.

голос от нас:

– Почва песчаная, осыпается чуть тронь. Глубина траншеи два метра двадцать!

Это – Т-5, бригадир. Он говорит со злостью:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
...И вы обязаны делать крепление! Техника безопасности одинакова для всех!
Заклученные тоже люди!

Лицо майора. Всем доволен. Его не проймешь! Даже нахмурился небрежно, не делает усилия как следует нахмуриться:

- Ах, тоже люди?! Ты демагогию бросай, Климов, а то я тебе место найду!

Прораб. Жестко, быстро, одновременно подписывая бумаги:

- Траншея - временная, и крепления не полагается. Сейчас уложите трубы - и завалите. Вам и дай крепление, так вы только доски изрубите да запишете в наряд! Знаю! А ставить не будете. Не первый год с заключенными работаю. Уходите!

Климов. Немного жил - и всю-то жизнь или солдат, или военнопленный, или заключенный. Да чем можно пронять этих людей? Слишком много пришлось бы сказать, если начинать говорить...

За спиной Климова распахивается дверь. В нее ныряет, не помещаясь, Гедговд. Он искажен, кричит:

- Бригадир! Засыпало наших!!

И убежал, ударившись о притолоку.

Лицо Климова!!

Спина!

И убежал. Только непритворенная дверь туда-сюда покачивается, покачивается...

ПО ШИРОКОМУ ЭКРАНУ

все это засыпает внезапным песком. Густой обвал желтого песка по всему экрану.
СВЕРХУ.

Мертвая неподвижность уже свершившегося обвала. Уже и потерялось, где были раньше стены траншеи. Нет, чуть сохранилась линия с краю.

Там картузик лежит на бывшей твердой земле: Р-863.

А из песка высунулись

руки! - пять пальцев! и другие пять! Они пытаются очистить путь своей голове.

топот. Сюда бегут.

Выбарахтывается, выбарахтывается кто-то из траншеи.

Его тянут! Тянут и отгребают.

Это - Чеслав Гавронский...

Нет, не дай Бог видеть лицо человека, вернувшегося с того света!.. Губы искривлены, как у парализованного. Рот набился песком. Кашляет судорожно.

Его вытащили уже всего. Он кашляет, кашляет - и пальцем показывает, где засыпало его товарищей.

Скорей! скорей! Кто-то с размаху вонзил лопату в песок и выгребает ею.

- Стой! Голову разрубите! Только руками!

В кадр вбегает Климов. Он бросается на колени. И роет быстро-быстро, как лапами крот.

И с ним рядом - Гедговд. И другие. На коленях все. А с краев лопатами, лопатами.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Осторожно.

Гавронский приподнялся на руках, кашляет, хрипит и показывает, где отгребать.

Кто-то сверху (только ноги его видны да спустившаяся рука) надевает на голову Гавронскому его картузик Р-863. Ног много кругом. Все собрались, да работать негде.

- Врача бы из лагеря...

- Звонили. Конвоя не дают врачу. Шторка. Вид сверху.

Со дна траншеи копающие поднимают над собой тело.

Это - мальчик почти. Мертвец. Его лоб надрублен наискосок неосторожной лопатой. Песком забиты ноздри и зев рта.

Положили его на землю. Лицом к небу.

А рядом взмахами рук-плетей делают искусственное дыхание мужичку, черной щетинке.

Климов делает. Но уже и он на исходе сил.

Слабеющими взмахами рук-плетей щетинка черная отбивается от жизни.

музыка похоронная.

Климов сидит около мертвеца. Схватился за голову.

Плачет солдат. Виноват - солдат...

Гедговд идет прочь. Он идет зоной, не видя ее. Он если и слышит что, так эту музыку. Похоронную.

Мимо него - с носилками, с носилками.

И сидит бригада на земле, бьет камень на щебень.

Катят тачки железные вереницей.

Колючая проволока. Передвигается по экрану. Вот и ворота. Вахта. Грузовик ждет выпуска.

Ефрейтор проверил пропуск, с подножки осмотрел кузов. Заглянул под задние колеса.

Топоры тесали и остановились.

Трое смотрят от своего бревна.

Пошел ефрейтор к воротам, открыл внутренние, взялся за внешние.

голос сзади нас:

- шофер! шофер! Иди сюда! Прораб зовет.

Шофер - в старой солдатской пилотке, но в гражданском. Вылез из кабины, пошел на голос.

а мотор тихо работает.

Ефрейтор развел внешние ворота и оглядывается - почему шофер не едет.

Трое над бревном. Переглянулись молнией.

Машина ждет! И дверца открыта.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
и бросились!
Двое – в кабину! один – в кузов!
И – тронули, на ходу прихлопывая дверцы!
Изумленное лицо Гедговда!!
в музыке – бетховенская рубка! ("гремят барабаны! литавры гремят!")
– И я! И я с вами!!
Долговязый! Догоняет машину! Вспрыгнул на задний борт. Висит!
Машина – на нас!! Раздавят!! *
вой мотора.
Не на нас! – на ефрейтора! Он метнулся прочь, давая дорогу.
И у столба ворот – за пистолетом лезет в кобуру. Лезет, никак не вытащит.
Выхватил!
Вон – уходит грузовик по дороге! Гедговд ноги подбирает в кузов.
выстрел! Выстрел! – от нас, пистолетный. А сбоку сверху, с вышки, карабинный,
раскатистый. И еще!
Уходит грузовик! уходит!
("гремят барабаны! литавры гремят!")
МЫ ВОЗНЕСЛИСЬ. СВЕРХУ.
Угол зоны, обращенный к бегущим. Вот с этой угловой вышки и стрелять! – но
несподробно: она с двух внешних сторон обшита от ветра. Изгибаясь, бьет часовой.
А грузовик уходит! уходит!
выстрелы слабеют вдали.
ПОСЛЕ КОСОЙ ШТОРКИ – ТОЛЬКО УГОЛОК ЭКРАНА.
Индукторный телефон старого образца. На него падают руки военного – на трубку и
на ручку. Круть, круть, круть! – говорящего не видно всего:
– Конвойный городок! Конвойный городок! С третьего объекта побег! На машине в
сторону рудника Дальнего! Дайте знать на рудник Дальний! Вызовите мотоциклы!
Всем – в ружье!!
КОСАЯ ШТОРКА ЧЕРЕЗ ВЕСЬ ЭКРАН.
Из нее наискось вырывается наш грузовик.
Он несется, несется, несется! – мимо последних строений поселка.
Он уходит, уходит, уходит! – уже по степной дороге.
И две фигуры видны нам сзади в кузове. Их швыряет, они скрючились, держась за
борта и крышу кабины. Один слишком высок.
А теперь – спереди. Две головы – над кабиной. Два лица – в кабине, через
ветровое стекло. Их напряжение обгоняет бег автомобиля: убежать! успеть! уйти!
Двое в кабине – во весь широкий экран. За рулем – тот крупнолицый, главарь. Что
за щедрая сила у этого человека! Крутит руль и стонет:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
- Э-э-эх, где вы, мои крылышки? Когда надо - вас нет!.. Сосед его - за плечо:

- Слушай, Ваня! Рудник Дальний - пообедем! Они до дороги достанут! пообедем по целине!

- Не! На целине скорость потеряем! Дуну ветром! Сосед стучит назад в стекло:

- Эй вы, шпана! Ложись! Ложись! Прицепился, черт долговязый...

НО МЫ ОТСТУПАЕМ ЕЩЁ БЫСТРЕЙ, ЧЕМ

на нас несется грузовик. Мы видим его все меньшим, меньшим.

Его отчетливо видно: черненький, сзади от него - хвост серобелой пыли, перед ним - серо-белая лента дороги.

Мы видим его с охранной вышки - меж двух ее столбиков и под ее навесом.

Мы чуть опережаем его дулом нашего карабина.

Мы видим его увеличенным в наш оптический прицел и выбираем место цели - передний скат. Сейчас мы его...

оглушающий выстрел около нас.

Ствол карабина рвануло и увело.

Тем временем - выстрелы неподалеку.

И в прицеле нашем видно, как грузовик уже заносит поперек дороги.

Бьем и мы!

И вместе с выстрелом несемся на грузовик.

Шофер-летчик выпрыгивает, смотрит на пробитый скат.

И назад смотрит, откуда приехали на нас. Ну что ж, берите, гады. Крепкие руки из-под закатанных рукавов лагерной курточки скрестил на груди. Его товарищ выскочил из кабины и показывает:

- Топоры наши!..

Летчик кивает головой:

- Закинь их подальше...

И те двое выскочили из кузова. Гедговд мечется:

- Ах, ну как же это? Как же это досадно получилось... Побежим напрямик! Побежим!

Летчик лишь чуть повел глазами туда, куда машет Гедговд.

Сколько глазу хватает - открытая степь. Песок. Редкими кустиками травка. Да "верблюжья колючка".

Четверо у грузовика. Обреченные. Один навалился ничком на капот.

а сзади зрителей, еще не близко, нарастает рев мотоциклов.

Летчик оборачиваемся:

- Слушайте, кто вы такой?

Гедговд снимает блин фуражки и делает подобие гостиного поклона:

- Вообще я довольно вздорный человек. Я боюсь, что вы подбиты из-за моего несчастного гороскопа. Сатурн - в восьмом квадрате. И мне не следовало прыгать в

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru вашу машину. Я – недоучка, философ, два факультета Сорбонны. Русский эмигрант, везде лишний. Александр Гедговд, по прозвищу "Бакалавр".

Летчик протягивает широкую ладонь:

– Будем знакомы. Герой Советского Союза майор авиации Иван Барнягин.

А рев мотоциклов уже за самой нашей спиной. Барнягин смотрит, прижмурясь, как они несутся:

– Ну, ребята, сейчас будут бить. Насмерть. И ранеными в карцер. Валите на меня, все равно...

уже кричат, чтобы перекрыть мотоциклы:

– Кто останется жив – привет товарищам! Да здравствует свобода!!

Все четверо они впились, как

летят мотоциклы. Их восемь. Сзади каждого – автоматчик. Все на нас!

Разъезжаются вправо и влево, чтоб охватить нас кольцом. Остановились с разбегу. Автоматчики соскакивают и, замахнувшись прикладами, бегут на нас!!

Опрокидывается небо. Теперь только небо во весь экран, небо с облаками.

крики:

– Р–разойдись, стервятница! Р–раступись, падаль, по одному! Руки назад! Свободы захотели?..

бьют. Здесь, в зрительном зале, бьют. Слышны удары по телам, паденья, топот, крик, хрип, тяжелое дыхание бьющих и избиваемых. Крики боли. Ругательства и ликование.

Кучевые облака – храмы небесные, снежные дворцы – медленно проплывают голубым небом.

стало тихо.

Небо отходит в верхнюю часть экрана, а снизу выступают верхушками столбы строительных лесов и сами леса. Двое заключенных мерно несут по помосту вдоль стены носилки с диким камнем.

Они несут так медленно, как плывут эти облака.

Они идут – и все здание постепенно показывается нам в медленном повороте. Это – тюрьма-крепость. Одно крыло ее уже построено: неоштукатуренный массив дикого камня, только дверь небольшая и оконца крохотные в один рядок. Не пожалели камня.

Второе крыло лишь теперь и строится. Мы поднялись с подносчиками и видим, что возводимые стены тюрьмы – толще метра. Сверху видно, как на клетки маленьких камер и карцеров разделена будущая тюрьма.

грохот камня, высыпаемого из носилок.

Подносчики высыпали камень около худощавого юноши Р-27, кладущего стену. Высыпали, постояли. Еще медленней пошли назад. Как будто раздумывают: да надо ли носить?

И Р-27 кладет стену с той же печальной медленностью, с той же неохотой. Камни бывают большие, он их не без труда поднимает на стену двумя руками, выбирает им место.

А в небе плавает коршун.

А вокруг – и без того з о н а. Колючка, вышки.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Степь.

ветерок посвистывает.

Р-27 тешет камень молотком, чтобы лег лучше.

Каменщики и подносчики в разных местах вокруг возводимых стен. Все работают с такой же надрывной неохотой.

КРУТО СВЕРХУ.

От лагерных ворот подходит к тюрьме воронка – такой же, как в городах, но откровенного серо-черного цвета. Его подают задом к двери тюрьмы. Все на постройке замирают: у груд камней, внизу, откуда нагружаются носилки; на трапах; на лесах у косо-ступенчатых стен. Бригада напряженно смотрит, как

открывается задняя дверца воронки, отпадает подножка, выскакивают трое солдат и из кабины выходит лейтенант в зеленой фуражке.

Навстречу им открывается окованная железом дверь тюрьмы. Оттуда выходит надзиратель с большим ключом (его голубые погоны с белыми лычками – мяты) и еще другой в матросской форме без нашивок, на груди обнажен угол тельняшки.

Лейтенант кричит внутрь воронки: – Вы-ходи!

И по одному, сгибаясь при выходе, а потом распрямляясь с усилием и болью, выходят четверо беглецов. Все они избиты до крови и досиня. У троих руки связаны за спиной. Первым идет Барнягин с заплывшим глазом, с лиловой полосой на лбу. Но голову закинул и кивает строителям.

Потом – Гедговд, кровотока ртом, с распухшей губой. Спина его долгая не распрямляется.

У третьего рука висит плетью, одежда с плеча содрана, там рана.

Шагов двадцать им до раскрытых дверей тюрьмы. Надзиратель "морячок" ногой поддает проходящим, и лицо его при этом искривляется радостной психопатической истерикой.

Надзиратели вошли вслед за арестантами. Дверь заперлась.

Солдаты вскочили в воронку, и он отходит к воротам.

Общий вид все так же неподвижных строителей.

Острое мучение на чутком лице Р-27. Это его избili вместе с беглецами.

Припал ничком на стену, уронил голову.

звякнул

упавший мастерок.

К Р-27 подходит Мантров. Та же арестантская черная куртка, тот же картузик, такие же номера, но какая-то рассчитанность, чуть ли не изящество и в его одежде, и в его движениях. И лицо очень чистое хорошо выбрито или на нем еще не растет.

Обнимает дружески товарища:

– Ну брось, Володька! Володька...

Володя поднял голову. Что же можно "бросить", если тебя только что избili сапогами?!

– Виктор! Как мы можем так низменно жить? Зарабатывать у палачей пайку хлеба! Сто грамм каши лишней на ужин! – и чем? Что строим тюрьму для себя самих?!..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Уголок номера на его фуражке чуть отпоролся и треплется ветерком. Больше нечему развеваться на этих стриженных головах.

Мантров омрачился. Вздыхнул:

- Я не напрашивался на эту работу, ты знаешь. Я добивался вывести бригаду за зону. А назначили сюда...

Р-27 с негодованием:

- Хотя бы у блатных мы переняли немножко гордости, цыплячи революционеры! Ведь блатные не положат ни камешка на стену своей тюрьмы! И не натянут ни одной нитки колючей проволоки! Трех лет еще не прошло- студентами какие мы гордые речи произносили! Какие мы смелые тосты поднимали - перед девчонками! А здесь - наделали в штанишки?..

Мантров, проверив, чист ли камень, садится боком на стену:

- Но прошло три года, и пора становиться мужчинами. Здесь постарше нас, поопытней, - а что придумали? Вот, Герой Советского Союза... А что придумал он? Куда бежал? На что рассчитывал? Таран! своими боками... Или полковник Евдокимов. Академию Фрунзе кончил, два раза упоминался в сводке Информбюро. И говорит: я из окружения полдивизии вывел, а вот что здесь делать - не знаю...

- Но из нашей трезвой трусости! Из нашего беспамятного рабства! - какой-то же выход должен быть!!

- Самообладание, мой друг, - вот наш выход. Ясность ума. И самообладание. Только тогда мы можем рассчитывать пережить срок. Выйти на волю. Захватить еще кусочек мирной жизни, пока не начнется новая война.

Нет! нет! нет! нет! не то.

- Да как ты не понимаешь? Да не нужен мне мир! И никакая воля мне не нужна!! И сама жизнь мне не нужна!! б е з с п р а в е д л и в о с т и!!

МЕДЛЕННОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ.

стеклянный печальный звон бандуры. Неторопливый перебор струн на мотив "Выйди, коханая..."

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ.

По экрану, в длину его, медленно проплывают двухэтажные вагонки, вагонки, вагонки, печь беленая, барачные окошки в решетках (за ними - тьма). Заключение лежат, лежат, на первых "этажах" еще и сидят. Раз два мелькают шахматисты. Редкие читают. Кто спит, кто так просто лежит. Слушают, смотрят на...

звуки ближе.

...бандуру. На втором этаже вагонки поставлен ее ящик. Откинута и стоймя держится крышка. На ней изнутри - умильно-лубочный пейзаж: белая мазаная хатка с вишневым садочком за плетнем, на улочке верба погнутая, и дивчина в лентах с писаным лицом несет на коромыслах ведра. Но в благородном звоне бандуры у нас не улыбку, а грусть об утраченном вызывает этот наивный рисунок.

струны бандуры перебирают пальцы двух рук.

Это играет старик со стриженной седой головой. Там, наверху, он поджал ноги, сгорбил над бандурой. Он сам - не плачет ли?..

На соседней с бандуристом койке - мордастый парень - ы-655. У него грубое лицо, но умягченно он слушает бандуру.

И у него в таком селе такая дивчина.

(Выйди, коханая, працею зморена,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Хоч на хвылыноньку в гай!..))

МЫ ОТХОДИМ

по большому бараку, а потом и теряем бандуру из виду. Но она все играет, надрывая душу. Потом тише.

Внизу сидит старик с головою льва, только без гривы. Щеки небриты, сильно заросли. Высокое чело, оголенное возрастом темя. Он в очках, штопает шерстяной носок.

Близкий голос:

- А за что, Дементий Григорыч, могли посадить вас, безвреднейшего ботаника?

Дементий Григорыч поверх очков покосился на спросившего.

Улыбнулся:

- Ботаников-то и сажают, вы газет не читаете?.. Впрочем, я не за ботанику. Я раньше успел...

Штопает носок.

...Будь это лет сорок - полсотни назад, я вполне мог бы послужить персонажем для чеховского рассказа. Ученая размазня, собирающая свои гербарии где-то в захолустной России. Писал бы труд о каком-нибудь "леукантемум вульгарис". Ну и девушка, конечно, передовая, непонятная... Какое-нибудь мучительное прохождение между ржи, при луне. Кажется, даже такой рассказ у Чехова есть. Но в наше время новеллы имеют другие сюжеты. Я наказан за реликтовое чувство: за нелепое желание защищать родину. Тюрьма моя началась с того, что я записался в народное ополчение. Кто не пошел - продвинулся, преуспел. А ополчение бросили с палками на танки, сдали в плен и от издыхающих в плену отказались...

Занимается своим носком.

КОСАЯ ШТОРКА, ЗАЙДЯ ЗА ДИАГОНАЛЬ ЭКРАНА, ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ЧЁРНОЙ ЧЕРТОЙ.

В нижнем задавленном углу, окруженное сизыми клубами затемнения, остается освещенное лицо ботаника. Он - штопает.

А наверху, на просторе экрана - светлая чистая комната. Портрет маршала Сталина на стене. Пирамидка с карабинами и автоматами. На нескольких скамьях, друг за другом, сидят солдаты, сняв фуражки на колени. Бритые головы. Привыкшие к исполнению лица. Очень серьезные, как перед фотоаппаратом. Скомандуй им залп - и тотчас будет залп.

ПЛАВНЫЙ ПОВОРОТ ОБЪЕКТИВА.

Солдаты - затылками, а лицом к нам - их политрук. Толоконный лоб!

- ...ознакомить вас с некоторыми судебными делами заключенных, чтобы вы понимали, кого вам поручено охранять. Это - отбросы общества, это - гады, задохнувшиеся от ненависти, это - политическое отребье, недостойное того хлеба и каши, которые им дает советская власть. Я вот в канцелярии лагеря выбрал дела наугад...

Политрук берет папку из стопы перед ним, раскрывает...

...Меженинов Дементий Григорьевич. По специальности ботаник. Прокрался в аппарат Академии наук. Получал огромную зарплату. Спрашивается - чего еще ему не хватало? Так нет! - он отравлял семенные фонды! Подрывал прогрессивную систему академика Лысенко и тем способствовал гибели урожаев! А во время войны пошел и предал родину!..

Откладывает папку в негодовании, берет сразу две, одна вложена в другую,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
...Или, пожалуйста, его бригадир Мантров Виктор, и в той же бригаде одноделец Мантрова – Федотов Владимир.

В темном задавленном углу гаснет лицо Меженинова, вспыхивает уменьшенный тот же самый кадр, каким смотрели на нас со стены тюрьмы Федотов и Мантров.

а мелодия бандуры не угасла, она порой доносится едва-едва.

...Оба – двадцать седьмого года рождения! Советская власть их вспоила, вскормила, допустила к высшему образованию. Так вы думаете они были благодарны? Они создали подпольную антисоветскую группу, писали клеветнические сочинения и ставили своей задачей свержение власти рабочих и крестьян, реставрацию капитализма! Растреленные бандиты, они по ночам выходили на улицы, грабили прохожих, насиловали и убивали девушек! Так если такой побежит – что? Жалко ему пулю в спину?!

Лица замерших солдат. Сведенные челюсти. Нет! Пули не жалко! Озверелый автоматчик позади них на плакате.

В нижнем углу погасли мальчишки-однодельцы. В светлом овалике вспыхнуло настороженное, смотрящее вверх лицо Чеслава Гавронского.

Голос политрука:

...Да в любой бригаде! Да кого ни возьми! Вот например некий пан Гавронский, лютый враг своего народа, презренный эмигрантский наймит, профессиональный убийца из Армии Краевой. Вы знаете, что такое Армия Краева? Это фашистская агентура, которую Гитлер нам оставил на территории Польши, чтобы убивать из-за угла!

Солдаты не просто неподвижны: они наливаются яростью, они, кажется, переключаются вперед – и сейчас бросятся колоть и топтать заключенных.

там смолкает все. Звук в нижнем углу,

говорит Гавронский, воодушевленно глядя вверх:

– С тех пор как Гитлер напал на Польшу, а в спину нам ударил Советский Союз, – Армия Краева не выпускала оружия. Мы еще хотели быть друзьями Советов...

Вокруг головы его, в нижнем углу экрана, проносятся видения дымящейся огненной Варшавы.

фортепьянный ливень (революционный этюд Шопена).

...Но после Варшавы! После преданной ими Варшавы!!..

КОСАЯ ШТОРКА СТРЕМИТЕЛЬНО ПОШЛА НАВЕРХ, СТЁРЛА КОНВОЙНЫХ.

По всему широкому экрану – пламя, взрывы бомб, немецкие каратели, перебегающие тени уличного восстания!

революционный этюд!!

Но еще громче:

– Да замолчите вы со своей проклятой музыкой, пока я ее не перекалечил!

РАСКОЛОЛОСЬ И ИСЧЕЗЛО ВСЁ.

Все стихло.

Тот же арестантский барак.

последний звон струны

бандуры, случайно зацепленной пальцами. Старик снял руки с бандуры, смотрит сюда.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Все смотрят сюда, на

гражданина надзирателя. Это он кричал. Здоровый, черночубый, и лицо угольное, в угрях. Рядом с ним – Возгряков, низенький заключенный с подслеповатым испорченным глазом и покатым лбом питекантропа. Тряся пальцем, он тянет гнусаво:

– Я давно-о говорю, гражданин начальник, – эту бандуру в печке истопить. Не положено здесь музыкальных инструментов!

Но надзиратель не ведет головой:

– Внимание, заключенные! Прослушайте судебное постановление! Он поднимает бумагу (чуть краешком она становится видна в низу экрана) и мрачно веско читает нам:

...Военный Трибунал Особого Равнинного лагеря МВД СССР, рассмотрев дело по обвинению...

И опять по экрану проплывают вагонки с заключенными – те же вагонки и те же заключенные, которые уже прошли перед нами раз. Но теперь они не читают, не играют, не лежат, не спят – они приподнялись, переклонились, неудобно замерли, слушают:

...заклученных 4-го ОЛпа Равнинного лагеря МВД Таруниной Марии, 1925 года рождения, прежде осужденной к десяти годам по статье 58-один-А и Скоробогатовой Светланы, 1927 года рождения, прежде осужденной к десяти годам, по статье 58-десять...

Загнанные, с исподлобным страхом. И ко всему притерпевшиеся равнодушно. И облегченные, что приговор – не им. И затаив дыхание. Пряча гнев. И не пряча его. Со страданием. С ненавистью.

Бандурист слушает – как будто все это слышал еще от дедов. Дивчина с ведрами кажется испуганной? или удивленной?

...в том, что они уклонялись от честного отбытия срока заключения и вели у себя в бригаде и в бараке разлагающие антисоветские разговоры...

Мы и раньше видели этого сурового арестанта Т-120: поджав ноги, он мирно играл в шахматы на нижней койке. Сейчас нет его партнера. И сам он не смотрит на шахматы: он впился, слушая. У него тот украинский тип лица, который бывает от примеси, должно быть, турецкой крови: брови – черные мохнатые щетки, нос – ятаган.

...нашел упомянутых заключенных виновными в предъявленных обвинениях и приговорил...

Рядом с Т-120 приподнялся, взялся за косую перекладину вагонки и как бы повис весь вперед – Володя Федотов. Каждое слово приговора прожигает его.

...Тарунину Марию, 1925 года рождения, и Скоробогатову Светлану, 1927 года, – к двадцати пяти годам Особых лагерей!

ВЕСЬ КАДР КОСО ПЕРЕДЁРНУЛСЯ.

И опять – подслеповатый зэк, слушающий преданно, и надзиратель. Кончил читать. Опускает бумагу. Смотрит на барак:

– ясно?

О, молчание! Какое молчание!..

Вдруг в глубине возникает маленький рисунок дивчины с бандуры и

всплеск музыки!

...вихрем проносится на нас, захватывая полэкрана, – потрясенная! с закушенными губами!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

И – нет ее. Надзиратель небрежно, утлом рта:

– Выходи на проверку!

И повернулся, уходит. Подслеповатый Возгряков кричит, трясая над головой фанерной дощечкой:

– На проверку! Бригадиры! Выводите народ на проверку!

Тот угол барака, где шахматист горбоносый и Федотов. Федотов не в себе:

– Друзья! Девчонок, не видевших жизни! За стеной! Здесь! А мы все терпим? Политический лагерь, да? Гай!

Гай (это Т-120) еще смотрел туда, откуда читали. Ждал, что еще не все прочли?.. Вдруг резким взмахом ударяет по шахматам, фигуры разлетаются.

– Не то, что – девчонок! А ты задумайся...

Ярость! Извив ищущей мысли пробивается через его лоб:

...Ведь их не случайно взяли – их п р о д а л и! ведь это кто-то каждый день...

чуть пристукивает согнутым пальцем

...закладывает души наши! Ведь это кто-то стучит, стучит...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ясные удары: тут-тук. Тук-тук. голос:

– Можно.

ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

В маленькой голой комнатке с обрешеченным окном сидит за голым столом надзиратель, читавший приговор. К столу подходит Возгряков и кладет перед надзирателем маленькую мятую бумажку:

– Вот, гражданин начальник, списочек: у кого ножи есть. Трое их. Потом вот этот завтра на развод понесет письмо, чтоб на объекте через вольного передать. На живот положит, под нижней рубашкой ищите. А еще один – у него я подметил бумагу в зеленую клетку, на которой было написано воззвание. Надо завтра изъять – не та ли самая бумага?

Надзиратель просмотрел списочек:

– Здорово. Этого гада с зеленой бумагой надо размотать. А ножи большие?

– Не, вот такие, сало резать.

– Ну, все равно посадим. Деловой ты у меня старший барака, Возгряков. С тобой можно работать. Кем ты был до ареста, а?

Подслеповатый Возгряков усмехается, отворачивается от надзирателя в нашу сторону. Глубоко вздыхает. По ничтожному лицу его с постоянно слезящимся больным глазом проходит отблеск величия.

– Я был...

Садится на скамью как равный.

...страшно сказать, какой большой человек!

КРУПНО.

Его лицо, искаженное многими годами лагеря, меж губ сильно прорезанные зубы.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

...я в ГПУ был, по нынешнему счету, – полковник. Меня Менжинский знал, меня Петере любил... Сюда меня Ягода за собой потащил. И вот гноят шестнадцать лет... Не верит мне Лаврентий Павлович... Не верит!..

ШТОРКА.

Кабинет попросторнее. Обставлен хорошо. У окна (свободного от решетки) – вазон с раскидистой агавой. За письменным столом в свете настольной лампы – старший лейтенант. Близко к нам – спина сидящего заключенного. Он говорит с грузинским акцентом:

– А Федотов на днях прямо призывал к сопротивлению! Кричал: девчонок рядом засуживают – зачем терпим?

Видим говорящего спереди, узнаем, что он был близ Федотова в бараке. Сидит независимо, свободно жестикулирует. Он высок, строен и щеголь: подстрижены височки, выхолены брови.

...И вааобще настроение Федотова – крайне антисоветское.

голос:

– А Мантрова?

– Мантров – хитрый, никогда не говорит. А Федотов – открыто.

тот же голос:

– Ну, например. Ну, еще конкретное высказывание Федотова.

– Ну, пажалуста, конкретно. Говорит: если власть тридцать пять лет на месте сидит, так мы против нее – не контрреволюционеры, а революционеры.

Старший лейтенант за столом. Очень заинтересован:

– Но конкретно, он советскую власть называет? Ведь мы сейчас должны протокол написать, Абдушидзе!

– Ну, может советскую власть прямо не называл, но МВД – какая власть? Зачем мне врать, гражданин старший лейтенант? Я не за деньги вам работаю, ПА сачувствию.

– И еще – за досрочку, Абдушидзе. За досрочное освобождение.

БЫСТРОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ.

и опять так же: тук-тук. Тук-тук. резкий нетерпеливый ответ:

– Да! Войдите!

Комната подобная предыдущей. Но офицер – не за письменным столом, а стоит у окна, к нам спиной, в накинутой на плечи шинели. Он повернул голову через плечо к нам. Картинная нервная поза. Он вообще картинно выполняет воинские обязанности. Отрывисто:

– Ну, что пришел? Почему так поздно?

Мы еще не видим вошедшего,

только слышим его задыхающийся шепот:

– Гражданин начальник режима! Готовится большой побег человек на двенадцать!

Начальник режима рванулся и с места бегом, развевая наброшенной шинелью,

сюда! Лицом к лицу с С-213, первой скрипкой лагерного оркестра. Но не добродушно-сонное выражение у секретаря прораба. Яркие темные глаза его возбуждены:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

- Во втором бараче... из той комнаты, где бригада Польшанова... лазят ночами под пол и копают... я установил... копают под зону!!

У маленького лейтенанта - короткие волосы светлого чубика чуть спадают на лоб. Это - мальчишка, очень довольный, что он - офицер и как бы на фронте. Он еле успевает выговаривать вопросы:

- Бригада Польшанова? Какая комната?

- Десятая.

- Кто да кто бежит?

- Точно не знаю. Как бы еще и не из бригады Климова.

- Давно копают? Сколько прокопали?

- Слышал - дня на два осталось.

Лейтенант скрестил руки на груди. Думает. Отрывисто:

- Ладно, иди!

C-213 отступает из кадра как бы немного кланяясь, прося не забыть доноса и его самого.

звук двери (ушел).

Только теперь лейтенант бежит к телефонной трубке. Колено поставил на стул:

- Ноль три... Жду... Начальник оперчекистского отдела? Говорит начальник режима Бекеч. Имею срочные сведения...

ЗАТЕМНЕНИЕ. СНОВА ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Но это не сразу заметишь. Не сразу поймешь, что на экране. Наискосок по нему - подземный лаз. Он просторен настолько, чтобы полз по нему один. Туннелик укреплен боковыми столбиками и верхними поперечинками. На потолке даже горит электрическая лампочка. Лагерное метро! Сюда, к нам, ползет человек, толкая перед собой фанерный посылочный ящик, наполненный землей. Он ползет, и за ним, в дальнем конце, открывается второй человек, который там лежа, не прерываясь, копает короткой лопатой.

А здесь, впереди, откатчика земли встречают руки товарища. Полный ящик сменен на пустой, и первый откатчик ползет с ним в глубь к копающему, а ящик с землей поднят в просторный барачный подпол с кирпичными столбиками там и сям. Скрюченная темная фигура заключенного относит ящик, высыпает землю в кучу.

Сверху открывается щель треугольником (отодвинутый люк). Оттуда:

- Орлы! Через пять минут даю смену. Заключенный снизу, так же приглушенно:

- Михаил Иваныч! Юстас твердо говорит - зону прошли. Машины с дороги здорово слышно.

- Ну, молодчики. Еще два ящика и вылезайте. Люк закрылся.

Но мы проходим линию пола.

ЭКРАН СУЖАЕТСЯ ДО ОБЫЧНОГО,

Михаил Иваныч Польшанов, небольшого роста, средних лет мужичок с жестким волчьим выражением старого лагерника поднимается от закрытого люка

и еще с одним помощником надвигает на него стойку вагонки.

Комнатка подходящая - всего из двух вагонок. Кто спит, а кто готовится идти - не

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru одевается, а раздевается (наверху должна быть одежда без земли).

очень тихо.

Полыганов прислушивается к двери в коридор.

а в оркестре – удар!!

ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Группа солдат с двумя собаками и станковым пулеметом полукругом оцепляет место у лагерного забора, снаружи.

Лейтенант Бекеч. Как это интересно! И при ночных фонарях видно его решительное полководческое лицо.

Он становится на колени. Ухом к земле. Другому офицеру, конвойному:

– Слышно, как царапают. Послушай.

Мы тоже – очень близко к земле. И вровень видим: солдат, присевших в засаду. Собак с настороженными ушами. Готовый к бою пулемет.

– Сегодня уже не успеют. А завтра мы их голенькими возьмем!

ШТОРКА.

Уже взошло розовое солнце. По степи идет колонна заключенных, опустивших головы, человек на шестьсот.

Против солнца видно, как от тысячи ног поднимается до пояса пыль дороги. И висит.

В стороне – домики поселка.

Гуще обычного оцепление конвоя вокруг колонны. И сзади идет резервных десятка полтора солдат.

Видим всю колонну наискосок спереди, в первых шеренгах Климова и Гая. Сбоку в кадр и в цепь конвоя входит офицер с надменным злым лицом. Подняв руку, он кричит:

– Стой, направляющий!

Остановилось все оцепление и колонна. Заключенные подняли лица.

...внимание, конвой! Патроны до-слать!!

гремят затворы, почти одновременно все.

Смятение по колонне. Оглядываются, переглядываются.

Офицер кричит:

...При малейшем шевелении в колонне заключенных – открывать огонь без дополнительной команды! Оружие – к бою!

Все конвоиры выставили стволы.

...Заключенные!!! Ложись, где стоишь! Ложи-ись!

Колонна дрогнула. Одни неуверенно начинают приседать и уже ложатся (среди них – С-213).

Но соседи одергивают. Колебания.

Гай и Климов показывают: не ложись!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Не ложатся. Поднялись и кто лег. С-213 на одном колене.

Все стоят. Дико смотрят на конвой.

И вдруг из крайнего ряда – здоровенный парнюга с глупым лицом

нет, с лицом затравленным! – нет, с обезумевшим от ужаса! поднял руки вверх!

и выбежал из колонны! – и бежит, бежит на конвоиров! Он сумасшедший просто!
Благим матом ревет:

– Не стреляйте!! Не стреляйте!!

Колонна напряглась – но не шевельнулась!

Офицер убегает и кричит:

– Бей его! Бей его!

Тот конвоир, на которого бежит безумец, отступает и одиночными выстрелами
выстрелы.

в грудь ему!.. в грудь!.. в живот! Из телогрейки парня, из спины с каждым
выстрелом вылетает кусок ваты! кусок ваты! клочок ваты!

Уже убит. Но еще бежит... Вот – упал.

Колонна! – сейчас вся бросится на конвой!

крик офицера:

– Ложи-ись!.. Огонь! Огонь!

пальба.

Бьют, как попало, над головами! над самыми головами!! И кричат остервенело сами
же:

– На землю!.. Ложи-ись!.. Все ложись!..

Как ветер кладет хлеба – так положило волной заключенных. В пыль! на дорогу!
(может, и убило кого?) Все лежат!

Нет! Стоит один!

пальба беспорядочная.

Лежат ничком. Плашмя. И скорчась. С-213, жирнощекий; смотрит зло из праха наверх
– как продолжает стоять

Р-863, Гавронский. Вскинутая голова! Грудь, подставленная под расстрел! Гонор –
это честь и долг!

С презрительной улыбкой он оглядывает стреляющий конвой и опускается из кадра
нехотя.

пальба реже, а все идет.

Конвоиры и сами некоторые трясутся и бьют все ниже, все ниже. Это и есть "когда
ружья стреляют сами". Один конвоир ошалел и еще кричит:

– Ложись! Ложись! Ложись!

никому. Поваленной колонне.

стихло.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Гай и Климов лежат впереди других и с земли смотрят зверьми сюда.

Пыль висит над колонной от паденья тел.

Убитый парень у ног конвоиров.

Сквозь конвойное оцепление входит Бекеч со списком. Минута его истории!

- Кого называю - встать! И выйти! Польшанов!

Из навала тел поднимается маленький Михаил Иванович. Весь перед уже не черный, а от пыли серый.

...Вон туда!

показывает ему Бекеч за свою спину. И выкликает дальше:

...Шилеускас! Цвиркун!

МЫ ОТХОДИМ, ОТХОДИМ.

голос Бекеча слабей. Вот уже не слышен.

Только видно, как встают по его вызову заключенные и, взяв руки за спину, переходят в отдельный маленький строй, где их строят лицами в ту сторону, откуда пришла колонна. Они "арестованы". Их окружает резервный конвой.

ШТОРКА.

Два заключенных (передний из них - Меженинов, сейчас он без очков) в затылок один другому несут длинную кривую ржавую трубу. Задний (нестарый мужчина с крупным носом, крутым выражением) спрашивает:

- Слушайте, доцент! А не поменять ли нам плечи?

Останавливаются. Меженинов:

- Ну, командуйте.

- Раз-два-бросили!

Скидывают с плеч трубу и увертываются от нее.

стук и призыв трубы.

Разминают плечи. Кряхтят. Задний показывает куда-то:

- Объясните мне, пожалуйста, член-корреспондент, куда смотрит, например, Госплан! Почему в безлесной пустыне такую громадину...

Над просторной производственной зоной - длинный, высокий корпус - из еще не потемневшего струганого дерева.

Его кончают строить: по стропилам положили продольную обрешетку и во многих местах уже покрыли тесом.

В разных местах перед корпусом и на крыше его - рабочее движение черных фигурок.

...отгрохали из чистого дерева! Ведь это дерево везли сюда за три тысячи километров!

Голос Меженинова:

- Полковник! Какой вы стали ужасный критик!

А небось, ходя в погончиках, считали, что "все действительно разумно"?

СТЯЖКА КРУЖКОМ

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
вокруг двух фигурок на гребне здания.

И УВЕЛИЧЕНИЕ.

Это Климов и Гай сидят на самом коньке. Вблизи них никого.

но оживленный плотничный стук.

Гай:

- ...и ничего никогда здесь из побегов не выйдет. Подлезали под проволоку и уходили подкопом, - а далеко? Кого мотоциклами не догнали, - высмотрели самолетом. Разве нас держит проволока? Нас держит пустыня! - четыреста километров без воды, без еды, среди чужого народа - их пройти надо! Польшанова я умней считал, а тебя тем более.

- Павел! Чем ждать, пока в БУРЕ или на каменном карьере загнешься, - лучше бежать! Что-то делать!

- Не бежать надо, Петя!

- А что-о!?

Вдохновение на лице Гая:

- Не нам от них бежать! А заставить, чтоб о н и от нас побежали!!

Климов пытается угадать мысль Гая. Веселый голос поет неподалеку.

- чом, чом, чернобров,

чом до мэне нэ прийшов!

Это ниже, где крыша еще не покрыта, - с чердака высунулся меж обрешетки тот мордастый молодой ы-655, сосед бандуриста, такой упитанный, будто он и не в лагере:

- мабуть, в тэбе, чернобров,

шапци немає?..

И оглядясь:

...Ну, ходимть, бригадиры, до Богдана! Галушки будем йисты!

ОТ НЕГО ВИДИМ

как Гай и Климов, сидя, съезжают по крыше сюда, вниз, и спрыгивают на чердак.

Здесь темнее. Двое уже сидят, остальные усаживаются под скосом крыши, в уголке чердака. Здороваются.

- Селям, Магомет!.. Здравствуй, Антонас!

Богдан:

- Що ж, панство, можливо буты спочинать? От мусульманского центра- е, от литовского - е, у русских ниякого центра нэма, Петька будэ тут за усю Московию. А у нас, щирых украинцев, руки завсе на ножах, тильки свистни!

плотничный стук - отдаленным фоном.

КРУПНЫМ ПЛАНОМ, ИНОГДА ПЕРЕМЕЩАЯСЬ, ОБЪЕКТИВ ПОКАЗЫВАЕТ НАМ

то двух, то трех из пяти. Эпическое лицо кавказского горца Магомета, доступное крайностям вражды и понимания (он уже очень не молод). Смуглого стройного литовца Антонаса - какими бывают они, будто сошедши с классического барельефа.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Румяного самодовольного Богдана. Климова. Страстно говорящего Гая:

- Друзья! Вы видите - до какого мы края... Нас доводят голодом, калечат в карцерах, травят медью. И собаками травят. И топчут в пыли. Срока наши не кончатся никогда! Милосердия от них...? - никогда! Мы тут новые, но десять поколений арестантов сложили кости в этой пустыне и в этих рудниках! И мы - тоже сложим! Если не поднимемся с колен! МГБ нас как паук оплело, пересейло нас стукачами большими и малыми. Мы потому брюхом на земле, что сами на себя каждый день и каждый час доносим начальству. Так какой же выход? Чтоб мы могли собираться! Чтоб мы могли говорить! Чтоб мы жить могли! Выход один:

Лицо Гая. Он страшен.

- Н о ж в с е р д ц е с т у к а ч а!

Магомет. Литовец. Климов. Бандеровец.

Да это трибунал!

...Пусть скажет нам Бог христианский, Бог мусульманский, Бог нашей совести - какой нам оставили выход другой?!

Они воодушевлены! Их тоже уже не разжалобишь!

...Не сами ли стукачи поползли за смертью?!..

ЗАТЕМНЕНИЕ.

музыка возмездия!

В серых тревожно шевелящихся клубах - экран. Меж них в середине - беззащитная, равномерно дышащая грудь спящего. Сорочка с печатью "Лагерь N..."

Кромка одеяла.

И вдруг взматывается (крупная) рука с ножом.

Удар в грудь! - и поворот дважды.

Снова взлет руки. С ножа каплет кровь. И струйкой потекла из раны.

Клубится, клубится экран, как дым извержения.

Удар!! - и поворот дважды!

и в музыке эти удары!

Взлет руки. Она исчезла. Серое и красное на экране.

протяжный болезненный человеческий крик:

- А-а-а-а-а-а-а-а-а-а...

Клубы расступаются. Виден весь убитый, лежащий на нижнем щите вагонки. И кровь его на груди, рубашке, одеяле.

И вокруг - еще спавшие, теперь в испуге поднимающиеся с вагонок люди

от крика:

- А-а-а-а...!

Комнатка - на семь тесно составленных вагонок. За обрешеченным окном - темно.

Это кричит - старик-дневальный в дверях, обронив швабру и мусорный совок. Это он первый увидел убитого и криком поднял спящих. Теперь, когда он не один перед трупом,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru крик его стихает.

Все молча смотрят на убитого. Непроницаемые лица. Жалости нет.

ШТОРКА.

В той же комнате. Все – так же. Перед трупом стоит Бекеч. Два надзирателя. Режущим взглядом обводит Бекеч

- И ни-кто? Ниче-го? Не видел?!

заклоченных. Они:

- Мы спали... Мы спали, гражданин начальник...

Дневальный

- Только подъем был! Гражданин надзиратель только барак отперли! я за шваброй пошел. Прихожу, а уж он...

Бекеч сощурился.

- Тебя-то я первого и арестую! Ты мне назовешь, кто не спал!

КОРОТКОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ.

те же серые клубы по экрану. та же музыка возмездия.

И тот же взмах руки с ножом. Вынутый нож кровотоцит.

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Больничная палата, ярко освещенная. За обрешеченным окном темно. На пятерых койках – больные. С шестой выносят на носилках тело.

Голос:

- В операционную! Быстро!

Тело вынесли, и Бекеч спиной своей прикрыл за носильщиками дверь:

- И вы?! То-же-ска-жете-что-не-ви-дели?!..

вонзающимся взглядом озирает он

оставшихся оцепеневших больных в своих койках.

...Не слышали, как здесь убивали? Десять ножевых ран – и вы хрипа не слышали? Тумбочку опрокинули, – а вы спали?

Больные – при смерти от страха, но не шелохнутся. Глаза их остановились. Еще раньше остановились, чем пришел Бекеч их пугать.

Крик Бекеча возносится до тонкого:

- Спали?! Одеждами накрылись, чтобы не видеть?

ШТОРКА.

Операционная. Врач с седыми висками из-под белой шапочки. Сосредоточен на работе. Его молодой помощник (больше виден со спины).

Очень тихо. Редко, неразборчиво – команды хирурга.

Операционный брат четко, поспешно, беззвучно выполняет приказания. У окна стоит Бекеч, следит пристально. Белый халат внаброску, поверх его кителя.

Хирург чуть поворачивается в сторону Бекеча. Негромко:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

- Он умирает.

Бекеч порывается:

- Доктор! Очень важно! Хотя бы полчаса сознания! Десять минут! Чтобы я мог его допросить! - кто убийца?

Хирург работает.

Неразборчивые команды. Иногда - стук инструмента, положенного на стекло. Тишина.

Хирург наклонился и замер.

Выпрямился. Бесстрастно:

- Он умер.

ШТОРКА.

В предоперационной - хирург и его помощник. Они уже сняли маски, расстегивают халаты. Видны номера у них на груди.

Молодой увлеченно:

- Галактион Адрианович!.. Простите мою дерзость, но во время операции мне показалось, что вы могли бы... Почему вы не...?

И шапочку снял хирург. Уважение и доверие внушает его бесстрастное лицо. К такому - без колебания ляжешь под скальпель.

Посмотрел на собеседника.

В сторону вниз.

Опять на собеседника:

- Сколько вы сидите, Юрочка? Молодой врач:

- Два года. Третий.

- А я - четырнадцать. Я - четырнадцать...

Пауза.

ШТОРКА. ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Гул многих голосов. Это гудит строй арестантов.

Здание барака со светящимися обрешеченными окошками, и еще два ярких фонаря над его крыльцом.

Спинами к нам - заключенные. Темные спины, построенные по пять перед тем, как их загонят в барак. Сзади сплошали, не построились, разброд.

Еще сзади к ним подкрадывается надзиратель-"морячок".

Вдруг взмахивает короткой плеткой и по шее одного! другого!

Крик ужаленных.

Все бросаются строиться... "Морячок" смеется. У него истеричный смех, и все черты истеричные.

И там, на крыльце, под фонарями, смеется кто-то маленький с дощечкой в руке:

- Давай их, надзиратель! Давай их, дураков!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
МЫ НЕСЁМЯ К НЕМУ

над головами строя. Это – Возгряков, старший барака. Он трясется в полубеззубом смехе. И карандашом стучит по фанерной дощечке:

– Ну, разбирайся! А то запрем барак и уйдем. Будете тут стоять!

Первые ряды, как видны они с крыльца Возгрякову. Молодой мрачный ингуш раздвигает передних и продирается вперед. Омерзение на его лице.

Возгряков:

– Ты куда? Тоже плетки...?

– Но ингуш с ножом!!

На мгновение – Возгряков. Ка-ак..?

И ингуш с ножом, взлетающий по ступенькам. На нас!

Все завертелось: Возгряков!

Ингуш! Взмах ножа!

Все перевернулось!

хрип. Топот. Стук упавшего тела.

Труп Возгрякова на ступеньках навзничь, головой вниз. Безобразный оскал застыл на лице. Глаза – открыты. С бельмом один. Под ухом – кровь. В откинутой руке он так и зажал счетную дощечку.

Арестанты сплотились вокруг крыльца. Вот они, сжатым полукольцом, одни головы да плечи стиснутые. И друг через друга, друг через друга лезут посмотреть на убитого (он лежит ниже и ближе экрана). Весь экран – в лицах.

Любопытство. Любопытство. Отвращение. Равнодушие.

Больше ничего.

И вдруг, расступясь, все разом подняли глаза...

на ингуша. Он с крыльца острым взглядом кого-то еще увидел в толпе. И поигрывает ножом. Напрягся к прыжку вниз.

Там надзиратель-"морячок" отбегает задом от толпы, пятится, как собака от кнута.

Но не его ищет ингуш!

Вон кто-то метнулся из толпы и побежал прочь. Черная фигурка заключенного, как все.

И ринулся за ним ингуш!! Ему кричат вдогонку:

– Хадрис! Хадрис!

Шарахнулся в сторону "морячок". Хадрис пробежал мимо.

Убегает жертва.

Гонится Хадрис.

И МЫ ЗА НИМИ!

Пересекли ярко освещенную пустую "линейку".

Через канавку – прыг!.. Через канавку – прыг!..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Вокруг барака!.. За столбы цепляясь, чтобы круче повернуть!

На крыльцо!.. В дверь!..

ЭКРАН СУЖАЕТСЯ ДО ОБЫЧНОГО.

По коридору!

На двери надпись: "Старший оперуполномоченный".

Убегающий толкнул плечом. Заперто. И – мимо!

Ждать некогда!

Двери... Двери...

Надпись: "Начальник лагерного пункта". Толкнул.

Подалась. Вбежал.

Но закрыть не успел – и Хадрис туда же!

Кабинет, в глубине за столом – брюзгливый майор (что сидел у прораба) в расстегнутом кителе. Вскочил:

– Как?! Что?..

И заметался, увидев

нож, поднятый Хадрисом за головой.

Медленно наступает Хадрис по одну сторону продолговатого стола заседаний, ногами расшвыривая стулья.

Убегающий стукач – вокруг стола майора и цепляется за майора:

– Спасите меня! Спасите, гражданин начальник!

Между ними – опустевшее кожаное кресло майора.

Майор отрывает от себя руки стукача:

– Да пошел ты вон! Да пошел ты вон!

и отбегая другой стороной стола заседаний, поднял руки:

– Только меня не трогайте, товарищ! Только меня не...

В круглом кресле майора запутался стукач, ногами не протолкнется мимо стола:

– А-а-а-ай!

последний крик его перед тем, как рука Хадриса наносит ему верный удар в левый бок.

Только этот один удар. И вынул нож.

И в кресле начальника лагеря – мертвый стукач.

А Хадрис возвращается, как пришел.

Перед ним – открытая дверь в коридор. Майор убежал.

Хадрис выходит в коридор. Пусто. Медленно идет, читая надписи:

"Цензор"

"Начальник Культурно-воспитательной части"

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
"Старший оперуполномоченный". Толкает дверь. Открыл. Вошел.

В комнате кричат по телефону:

- Всех свободных вахтеров - сюда! И вызовите конвой по тревоге!
- Это кабинет с агавой, где мы уже были. По ту сторону стола трое. Загораживаются.

Это майор звонил (все также расстегнут китель, волосы растрепаны) - и бросает трубку

мимо рычажков.

Рядом - старший лейтенант со стулом в руке (они в зоне без пистолетов)

и истеричный "морячок". Дергается, размахивая плеткой:

- Не подходи! Не подходи!

Но Хадрис очень спокойно подходит.

Он несет кровавый нож на ладони и сбрасывает его перед собой.

стук ножа о стекло.

- Это были два очень плохие люди,

тихо говорит Хадрис. Он уже никуда не торопится, стоит прямой, с достоинством.

Накровянив, нож лежит на столе, на стекле. Его хватает

"морячок". Те трое позади стола как за баррикадой. Старший лейтенант:

- Кто послал тебя? Кто тебя научил??

Хадрис поднимает глаза к небу. Очень спокойно:

- Мне - Аллах велел. Такой предатель - не надо жить.

МЕДЛЕННОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ.

порывистый стук.

Распахивается та же дверь. Высокий Абдушидзе вбегает согнутый. Где его щегольство и самоуверенность? Он умоляет, извивается - на том месте, где недавно стоял Хадрис;

- Гражданин оперуполномоченный! Спасите, меня зарежут! Спасите! В постели рэжут, на ступеньках рэжут, - я не могу там жить! Я вам па-совести служил - спасите меня!

Старшему лейтенанту - он был один в кабинете - некуда спешить. Заключение режут заключенных, под начальством земля не горит.

- Я не совсем понимаю, Абдушидзе, - как же я тебя спасу? В другой лагерь отправить - у нас этапов не намечается. Здесь у себя на стуле посадить - не могу, мне работать надо.

Абдушидзе - почти на коленях, когтит себе грудь:

- Гражданин старший оперуполномоченный! На одну ночь в барак не пойду! Меня знают! Меня убьют! Посадите меня в БУР! Заприте замком! Там не тронут!

- Удивился старший лейтенант:

- Вот как?..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Рассеянная улыбка. Водит пальцем по долгому листу агавы.

...Это идея. И ты согласен добровольно там сидеть?

Голос Абдушидзе:

- Жить захочешь - куда не полезешь, гражданин старший оперуполномоченный...

Набирает номер телефона:

- Начальник тюрьмы? Слушай, какая у тебя самая сухая теплая камера?.. Так вот эту шестую ты освободи. И пришли ко мне взять одного человечка...

ШТОРКА.

Кабинет Бекеча. Добродушный доносчик С-213 со слезами:

- Гражданин лейтенант! Еще день-два они понюхают и поймут, что полыгановских - продал я... А я у матери - один сын. И срок скоро кончается...

Плачет. Бекеч остановился в резком развороте:

- Дурак! На что ты мне нужен в тюрьме? Сейчас ты - сила, ты кадр! А в тюрьме - дармоед. Что мне тебя - для бесклассового общества оберегать?

Плач.

Неподвижная голова Бекеча, как он смотрит вбок, вниз, на плачущего. По его энергичным губам проходит улыбка:

- Ну ладно. Иди в барак и жди. Через час после отбоя придут два надзирателя и тебя арестуют. Строй благородного! Еще с тобой поработаем!

ЗАТЕМНЕНИЕ. ИЗ НЕГО - ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Почти во всю его длину лежит на нижнем щите вагонки грузный крупный мужчина. Он - в перепоясанной телогрейке, в ватных брюках и сапогах (редкость среди заключенных). Его нога, дальняя от нас, закинута на раскосину вагонки, ближняя, чтобы не на одеяло, свешивается в проход.

Он - не на спине, а немного повернут к нам, и мы узнаем его это тот "полковник", который нес трубу. Он говорит лениво, веско, абсолютно:

- Хре-еновина все это, м-молодые люди. Романтический бандитизм. Корсиканская партизанщина. У меня немалый военный опыт, но и я не могу представить, с какой стороны эта междоусобная резня приблизит нашу свободу?

Он говорит - Федотову, сидящему через проход на постели около Мантрова. Тот лежит и слушает. Федотов порывается:

- Полковник, я вам скажу!..

Но с таким собеседником не поспоришь, он давит:

- Да нич-чего вы мне, стьюдент, не скажете! Может быть, режут стукачей, а может быть - достойнейших людей? Кто это фактически докажет - стукач? не стукач? Вы при его доносе присутствовали? Нет! Откуда ж вы знаете?

Мантров приподымается, впивается пальцами в плечо Федотова.

Впервые мы видим его потерявшим самообладание:

- Полковник прав! А за что зарезали повара санчасти? За то, что он бандеровцам отказал в рисовой каше? Палачи! Грязные средства! Это - не революция!

Голос Федотова дрожит:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
- Вы меня в отчаяние приводите! Если так...

Полковник:

- Вы - юноша, очень милый, чистый, очевидно - из хорошей семьи, и вы не можете быть сторонником этих бессмысленных убийств!

Федотов быстро переклоняется к нему и шепчет:

- А что вы скажете, если я сам, сам принял в них участие?!

Полковник, колыхаясь от смеха:

- Ха-ха-ха! Так не бывает! Рука, державшая перо, не может взять кухонного ножа!

- Но Лермонтов владел и кинжалом!..

- Вы-выходи на развод!!

громко орет в дверях надзиратель, тот черночубый, угреватый, читавший приговор девушкам.

Шум общего движения, ворчание, скрип вагонок. И уже первые зэки идут на выход мимо надзирателя,

Вид с крыльца. Свинцовое утро. Ветер. Небо с низкими быстрыми тучами. От крыльца к линейке тянется поток арестантов. Все они - уже в ватном, потертом и новом, больше - сером, иногда - черном. И летних картузиков ни на ком не осталось, а - матерчатые шапки-"сталинки".

Идут на развод, но многие сворачивают в сторону - туда, где стоит газетная витрина с крупным вылинявшим заголовком "ПРАВДА". Вокруг этой "Правды" - толчея, не пробиться.

И МЫ ТАМ,

через плечи смотрим, читаем меж голов - листовку:

марш освобождения!!

ДРУЗЬЯ!

Не поддавайтесь первому угару свободы!

Стукачи дрогнули, но хозяева - в креслах.

Они плетут нам новые сети. Будьте едины!

В о т н а ш и т р е б о в а н и я:

1. Свободу узникам БУРа!
2. Отменить карцеры и побои!
3. На ночь барачков не запирайте!
4. Восьмичасовой рабочий день!
5. За труд - зарплату!

Бесплатно больше работать не будем!

Тираны! Мы требуем только справедливого!!

Федотов сам не свернул, но с улыбкой смотрит, как сворачивают к газетной витрине.

Его глаза блестят. Он запрокидывает голову, глубоко вдыхает, выдыхает и говорит

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru никому:

музыка смолкла.

- Ах, как хорошо у нас в лагере дышится! Что за воздух стал!

С ним поравнялся кто-то и сует ему незапечатанный конверт:

- Володька! На, прочти быстро, что я пишу, и пойдём вместе бросим.

Федотов изумлен:

- А я при чем?

- Как при чем? Читай-читай! Что я не о п е р у пишу, а домой. Вместе запечатаем и бросим. Теперь все так делают. Чтоб за стукача не посчитали.

Федотов весело крутит головой, просматривает письмо на ходу:

- И я в цензоры попал! Нет, что за воздух?! Ты чувствуешь - что за воздух!

Они быстро идут. Автор письма заклеивает конверт и при Федотове бросает его в почтовый ящик на столбе.

Густая толпа на линейке. Оживление. Смех. В толпе курят, ходят, проталкиваются, играют (удар сзади - "узнай меня!"), беспорядочно стоят во все стороны спинами. Потом спохватываются и перед самым пересчетом и обыском разбираются по пять.

Мантров сбочь линейки стоит рядом с дюжим нарядчиком. Тот с фанерной дощечкой, пересчитывает каждую бригаду и записывает. В молодом приятном лице Мантрова - обычное самообладание.

Нарядчик сверяется с дощечкой:

- Мантров! У тебя на выходе - двадцать один. Меженинова оставишь в зоне.

Мантров поднимает бровь и усталым изящный движением кисти показывает:

- Дементий Григорьич! Вы - останетесь.

Строй бригады (уже первая пятерка проходят). В нем Меженинов.

Его большое лицо, крупные черты, брови седые. Давно не брит. Мягкие глаза его сверкнули твердостью:

- Почему это я должен остаться? Д л я к о г о? Голос нарядчика:

- Ничего не знаю. Распоряжение такое.

Но Меженинов, кажется, понял и знает. Непреклонно смотрит он чуть подальше, на...

лейтенанта Бекеча. В нескольких шагах от линейки недвижимо стоит

Бекеч. Он скрестил на груди руки. Нахмурился. Шапка барашковая большая, сам маленький. Молодой Наполеон?

Меженинов возвышает голос:

- Передайте, нарядчик, тем, кто вам велел: дурак только к ним сейчас пойдет! Сегодня останешься - а завтра на койке зарежут.

Все слышал Бекеч. Еще хмурей. Неподвижен. Нарядчик, наверстывая заминку, пропускает быстро пятерки:

- Вторая! Третья! Четвертая! В пятой два. Следующая бригада!

Бригаду Мантрова (в ней и широкая спина полковника Евдокимова) видим сзади, как
Страница 35

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru она пошла на обыск, распахивая телогрейки. Пять надзирателей в армейских бушлатах, перепоясанных поясами, стоят поперек линейки и встречают заключенных объятаями Иуды.

ШТОРКА.

Во всю ширину экрана видны по грудь четверо из одной пятерки: Меженинов, Федотов, Евдокимов и Мантров. Пятый изредка виден плечом, иногда скрывается и Федотов. И сзади них мелькают лица – лишь настолько, что мы чувствуем толщу колонны, идущей не похоронно, как в начале фильма, а скорей размашисто. Явно ощущается ходьба. За головами – свинцовое недоброе небо.

Меженинов рассказывает полковнику и Мантрову:

– В зеленом начале моего срока на тихой теплой подкомандировке оперчасть вербовала меня в стукачи. Удивляюсь сам – это не было легко, но я устоял. Был сослан в штрафную бригаду – на каменный карьер, мрачнейшие бандиты. И полгода тянул среди них...! Устоявши раз, устоявши два, – падать под конец как-то жалко.

Полковник усмехается:

– Все-таки, доцент, вы в вызывающей форме отказались! При остатке срока в год – можно на этом и погореть.

Мантров внимательно прислушивается к их разговору. Федотов же не слышит. Он упоен, смотрит вперед и никуда. Когда объектив больше поворачивается в его сторону – слышно дуновение маршеобразной музыки.

Меженинов:

– На этом нас и ловят. В начале – мы боимся чересчур долгого срока, в конце – дрожим за освобождение. Это – психология набора 37-го года. С ней гнулись и подышали. А я – сторонник вот этих новых боевых ребят. Тем более с е й ч а с! – чего дрожать? Простая разумная отговорка: боюсь, мол, что меня зарежут!

Резкий окрик:

– Ра-зобратся по пять! Раз-говорчики в строю! Меженинов:

– ...Процедура чекистов, которой мы трепетали всю жизнь, вдруг оказалась такой неуклюжей: арест, протоколы, следствие, суд, пересуд. А здесь возмездие мгновенно: удар ножа! На рассвете. Все видят, что это – пострашней! И никто не только стучать не пойдет, – не пойдет и минуты с ними беседовать!

Полковник возмущен:

– Вы – интеллигентный человек, а отстаиваете какую-то дикую резню!

Меженинов:

– Прекрасное время! Где это есть еще на земле? – человек с нечистой совестью не может лечь спать!! Какое очищение!

Маршеобразные мысли Федотова. Окрик:

– Ра-зобратся по пятеркам! Кому говорят?! Полковник:

– Ав-вантюра!

Меженинов:

– Но мы доведены и приперты. А что бы вы предложили другое?

Полковник:

– Да если бы мне только дали сформированный современный полк...

Он приосанился. Он видит сейчас тот полк. Он уже почти им командует...

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

...я б этим псам показал!

Меженинов:

- Но тот, кто сформировал бы полк, нашел бы ему командира и без вас, учтите... Нет, не ждать вам полка. Надо учиться действовать там, где живешь.

Окрик:

- Сто-ой, направляющий!!

Это - краснорожий старший сержант, вбежавший внутрь цепочки конвоя.

Остановилась колонна беспорядочной толпой. И вокруг - конвоиры с автоматами и карабинами наперевес. Степь кругом. Небо черное. Сержант орет:

- Что это идете, как стадо баранов?

Из толпы:

- А мы не в армии!

- Присягу не давали!

- Сам баран!

Сержант:

- Ра-зобратся по пятеркам! Первая!

Первая пятерка отделилась и прошла вперед шагов десять.

...Стой! Вторая!

Мы - БЛИЖЕ К ТОЛПЕ.

В ней - движение, гул:

- Не давайте ему считать, не давайте!

- Не иди по пятеркам!

- Прите все!

Голос сержанта:

- Третья!

Третья пятерка не отделяется, как первые две, а еле ноги переставляет, и сзади к ней льнут, льнут стадом, нельзя считать!

Смех в толпе. Крик сержанта:

- Сто-ой! Ра-зобратся по пятеркам!

Толпа продолжает медленно густо идти. Нагоняет первые две пятерки. Остановилась.

Из толпы:

- Хрен тебе разобратся!

- А ху-ху - не ху-ху?

Крик сержанта:

- Не разберетесь - до вечера здесь простоите!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Из толпы (кричащие прячутся за спинами):

- Хрен с тобой! Простоим!

- Время не наше - казенное!

- Пятилетка - ваша, не наша!

МГНОВЕННЫЙ ПЕРЕНОС (РЫВКОМ).

Лицо сержанта. Он расsvирепел, себя не помнит. Взмах:

- Оружие - к бою!! Патроны - дослать!!

Лязг затворов.

Грозная музыка.

ОБЪЕКТИВ КРУЖИТСЯ МЕДЛЕННО.

Под черным небом мы видим конвоиров, готовых в нас стрелять. Дула наведены!
Челюсти оскалены!

И мы видим толпу, готовую броситься на конвоиров.

Их шестьсот человек! Если в разные стороны кинутся...! Наклонились вперед! А Гай даже руки приподнял для броска! Радостью боя горит худощавое лицо Федотова!

Что-то сейчас будет страшное! Что-то непоправимое!

в музыке растет-растет-растет это столкновение!

И вдруг отрезвленный голос сержанта:

- Марш, направляющий.

Общий выдох.

Заклученные вышли из стойки, повернулись. Опять пошли как попало. Оживление в колонне.

Опять во весь экран - та же наша четверка в ходьбе.

Никого не видит Федотов, смотрит далеко вперед и вверх.

Ветерком - его радостный марш!

ШТОРКА.

В двадцать глоток - раскатистый хохот.

Это на скатке бревен развалились в разных позах заклученные и хохочут в лицо вольному десятнику - жалкому потертому человечку, стоящему перед ними. Он уговаривает:

- Ребята! Цемент погибнет! Четыре тонны цемента. Ну, дождь вот-вот!

К нему выскакивает круглый придурковатый Кишкин, ф-111. Номер на груди его поотпоролся, болтается:

- Десятник! Что ты нас, дураков, уговариваешь? Разве знает собака пятницу?

Хохот.

...Нам расчету нет. Не платят.

- Как не платят? Расценки единые государственные, что для вольных, что для вас!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Сзади на бревнах все так же развалились ээки. Кишкин впереди изгибается перед
десятником:

- Расценки единые, да у нас семья большая. Гражданина майора Чередниченко надо
накормить? А капитана-кума? А лейтенантов двадцать? А надзирателей - сорок? А
конвоя батальон? А колючая проволока, знаешь, теперь почему?

С бревен возгласы:

- А пули?..
- Масло ружейное!..
- Забор деревянный!
- Бур каменный!..

Кишкин (показывает свой болтающийся номер):

- Даже вот номера писать - и то художников держим! И как баланс ни крутим - все
мы начальнику должны, не он нам!

Громкий голос:

- В чем дело, десятник? Почему цемент не убираете под навес?

Это шел мимо и остановился прораб - тот, который отказал Климову в креплении.
Десятник:

- Заключение работать не идут, товарищ прораб...
- Как не идут?! Заключение - не идут!! - что за новости? Переписать номера, кто
не идет, всех посадим!!

И ушел, костлявый, не ожидая, чем кончится. Ему кричат вдогонку:

- Уже в БУРе места нет, не посадишь!

Десятник достал замусоленную книжку и карандаш.

Ему зло кричат, выпячивая грудь:

- Пиши!.. Пиши!.. Списывай!..
- Кишкин срывает свой номер, отворачивается, нагибается и, двумя руками держа
номер на неприличном месте, пятится на десятника, на нас, пока его номер не
займет всего экрана:

Ф-111

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Костлявый прораб в своем кабинете у стола стоит и кричит в телефонную трубку:

- Товарищ майор! Я двадцать лет работаю с заключенными, но ничего подобного
никогда не видел. Открытое неповиновение! Забастовки! Заключение не идут
работать!! У нас Советский Союз или Америка? Комбинат будет жаловаться в Главное
Управление Лагерея! Это дойдет, наконец, до товарища Сталина!!

Телефон и трубка - те же, но

НАПЛЫВОМ

вместо прораба - майор Чередниченко. Растерянность, угнетенность на его жирном
лице. Капли пота на лбу. Он только кивает в трубку:

- Да... да, да... Мы принимаем меры... Да... Положил трубку и отер пот,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
МЫ ОТХОДИМ.

Майор сидит в том кабинете и в том кресле, где Хадрис зарезал стукача. За столом заседаний – несколько офицеров МВД, среди них – в картинной нетерпеливой позе – Бекеч. Старший лейтенант–оперуполномоченный. Невзрачный офицер говорит:

– Так что культурно–воспитательная часть со своей стороны... Партийная линия есть перевоспитание заключенных, и, очевидно, даже в Особых лагерях мы не должны его запускать.

Майор:

– Да я бандуру им разрешил, пусть играют.

– ...в ближайшие воскресенья я предлагаю... вплоть до того, что не вывести зэ-ка зэ-ка на работу, а если найдутся средства по финчасти, привезти показать кино. Идеино–выдержанное...

Воспитатель сел. Майор мычит, охватя голову:

– М–да... Соберу бригадиров, поговорю с бригадирами, с–суки–ными детьми! На что ж они поставлены, сволочи? Мы ж их бесплатно кормим! Приказ отдам строгий!..

Рядом с майором – капитан толстогубый:

– Не приказ, а сразу надо срока мотать! Надо группу отказчиков сколотить человек пятнадцать – и вторые срока им мотануть!

Бекеч (резко поворачивается):

– Разрешите сказать, товарищ майор?

И вскакивает. Теперь мы видим майора в толстую складчатую шею, а побледневшего Бекеча в лицо:

– Я не понимаю, товарищи, о чем мы говорим? Здесь – старше меня по чину, и я прошу прощения за резкость. Какое кино? Что поможет приказ? И какого раскаяния вы ждете от бригадиров, если эти бригадиры, может быть, первые наши враги? И разве дело в отказах от работы? Нам выкололи гла–за! Нам отрезали у–ши! Мы перестали в лагере видеть, слышать, иметь власть! Мы посылаем надзирателя кого–нибудь арестовать – а барак нам его не отдает! А мы болтаем о каких–то воспитательных мерах! И радуемся, что заключенные режут друг друга, а не нас! Подождите, скоро будут резать и нас! Первым убийством первого нашего осведомителя заключенные начали войну против нас! И это надо понимать. Товарищ начальник оперотдела! Как вы думаете устроить судебный процесс? Где вы возьмете свидетелей? Одни – уже на том свете. Другие сбежали к нам в тюрьму и ничего не видят. Третьи затаили дыхание и боятся ложа – ножа! А не вашего второго срока!

Капитан (заносчиво):

– Ну, и что вы конкретно предлагаете?

Бекеч переглядывается с оперуполномоченным:

– Мы предлагаем...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Под мелодию тюрьмы, гнетущие звуки,

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ, НА ШИРОКОМ ЭКРАНЕ

проступает внутрилагерная каменная тюрьма. Уже отстроено и второе ее крыло. И обносится (еще не везде обнесена) деревянным заплотом. Давящая угрюмость.

От нас к тюрьме идут два офицера в зимней форме. Они проходят между столбами недостроенного забора и звонят у железной двери. Это Бекеч и оперуполномоченный.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
КРУПНЕЕТ.

В двери отодвигается щиток волчка, его место заступает глаз.

Долгое гроыхание отпираемых запоров.

Дверь открывается медленно, тяжелая. Надзиратель сторонится, пропуская начальство

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ (УЗКИЙ) ЭКРАН

в ярко освещенный коридор с неоштукатуренными стенами из дикого камня и каменным полом. Еще заперты железные двери налево и направо.

Позади нас с гроыханием запирается дверь, через которую мы вошли.

Надзиратель выбегает вперед и

лязг, гроыхание

отпирает одну из дверей.

ВСТУПАЕМ В НЕЁ.

Там еще один коридор, такой же, но подлинней, и двери камер направо и налево.

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Тюремная канцелярия – по сути, камера с маленьким окошком вверху, только нет нар, пол деревянный, стены оштукатурены и несгораемый шкаф.

За столом – Бекеч и оперуполномоченный. Перед ними стоит С-213.

– Значит, кормят хорошо?

– Не обижаемся, гражданин старший лейтенант. Погуще кладут, чем в общей столовой.

– И тепло в камере?

Лицо С-213. Круглое. Покойное. Счастливое.

– Спасибо, тепло. И матрасы дали. И домино дали.

– Значит, в козла режетесь?

– В козла.

– Добро! и на работу не гонят. И до конца срока так?

Что ж, хоть бы и до конца, – наверно думает С-213.

– А вы не подумали там, в шестой камере, что если администрация лагеря спасает вас от ножа, – так надо ей служить!!

С-213 насторожился.

...Сейчас вот у нас идет спор – не распустить ли вас по баракам?

Сонное благодушие как сдернуло со стукача. Открылся неглупый быстрый взгляд:

– Гражданин старший лейтенант! Ведь зарежут как поросенка! Ведь не знаешь, где смерть ждет...

– Так надо знать!

Это вскрикнул Бекеч и вскочил, презрительный:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
...Надо узнать, где эта ваша смерть ходит! На чьих ногах?!

Растерянное лицо стукача. Он умоляет. Он думает. Он ищет. Он хочет понять!

Бекеч отрывисто:

- Подозреваемых. А может, тех самых, кто режет. Будем подбрасывать к вам в камеру. По одному. И тут испугаетесь?

Осенение великой мысли на лице стукача! Его пальцы! Его зубы! Шепчет:

- Забьем! Задушим!

Спокойный голос оперуполномоченного:

- Нет. Лишить жизни - мы управимся и по суду. А ваша задача до-пы-тать-ся! И запрещенных приемов - для вас нет. Узнаете - будете в лагере ж и т ь. А не узнаете - выкинем вас на говядину!

Пошла мысль! принялась!

ШТОРКА.

Камера. Двухэтажные нары с матрасами, над ними - обрешеченное крохотное оконце. Лязг открываемой и закрываемой двери. Двери мы не видим, она рядом с нами, - но видим, как человек двадцать этой камеры с обеих "этажей", где они сидят и лежат, - все встrepенулись, бросают домино, обернулись к нам, и, будто из пещеры, подтягиваются, подбираются к краю нар - четвероногие!

каракатицы!

спруты! Они не помещаются на экране сразу все, они стиснуты.

Общий хриплый возглас торжества.

Абдушидзе соскакивает с нар. Он перекошен:

- А, Гавронский! Сюда резать пришел?

С-213 зло мигает, выставил дюжие кулаки:

- Поляк дерьмовый! Это ты резал?

Гавронский, Р-863. Спина к закрытой двери. Руками как бы держится позади себя за каменные косяки входа.

Негромкий, но четкий взлет революционного этюда. Рев:

- Убийца!.. Бандит!.. Сучье вымя!.. Волк!.. Задушим на хрен!

Гавронский видит - спасенья нет! Гордо выпрямился в нише двери:

- Предатели! Найдут вас и тут!

Гонор - это долг!

Остервенелые сливающиеся крики.

Вся эта свора каракатиц протягивает к нам конечности!

На экране - муть.

На полу, под нашими ногами, крики:

- Глаза ему выдавливай, никто не отвечает!

- Рви его с мясом!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
– Кто резал, говори!

Резкий крик боли.

Полная тишина.

Прильнули ухом к стене и напряженно прислушиваются – летчик Барнягин и Гедговд. Барнягин грозит нам – не шуметь!

Это он – однокамерникам своим, тоже притихшим на нарах.

Камера – такая же, но нары голые.

Не слыша сквозь стену, Гедговд на цыпочках, оттого особенно долговязый, переходит к двери и слушает там.

Барнягин машет рукой, отходит:

– Ничего не разберу. Гудит, кубло змеиное. Тюрьмы что ли не поделят господа стукачи?

Какое ж у него располагающее, открытое лицо, всякий раз это поражает. Незажившие следы побоев, розовый шрам на лбу.

Отчаивается и Гедговд. Он прислонился неподалеку от двери. Своей небрежной скороговоркой:

– Черт его знает, на наших глазах хиреют лучшие традиции арестантского человечества. Например, культура перестукивания заменена культурой стукачества.

– И ты бы стал узнавать новости у этих гадов?

– Э, друзья! А сколько новостей мы узнаем из газет? Просеивайте сами, делите на шестнадцать, на двести пятьдесят шесть...

С нар:

– Да что тебе, Бакалавр! Ты завтра выходишь на волю, все новости узнаешь.

Гедговд ближе. Теперь мы видим, как он истощен, один скелет. Но весел:

– На волю? Да! В самом деле, как это интересно! – утопанная песчаная площадка двести метров на двести – и мы ее уже воспринимаем как волю! И у меня еще двадцать три неизмененных года в вещмешке, а я чувствую себя ангелом, взлетающим к звездам! Ду-урак!

ШТОРКА.

Та же тюремная канцелярия, видим ее всю, от входа. В дальнем конце за столом сидят двое, занятые делом.

БЛИЖЕ.

Это – лейтенант Бекеч и тот врач, которого мы видели за хирургическим столом. Он – в белом халате поверх телогрейки и в шапке с номером. Он подписывается на листе. Бекеч:

– И вот здесь еще, доктор.

Меняет ему листы. Доктор подписывает, медленно кладет ручку.

Показывает:

– А резолюцию о том, что вы отменяете вскрытие, напишите здесь.

– Это майор напишет. Значит, учтите: за зону мы его отправим, не завозя в морг.

Доктор пожимает плечами. У него очень утомленный вид. Шум открывшейся двери.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Голос:

- Товарищ лейтенант! Тут - на освобождение, ы-четыреста-сороквосемь, Гедговд. Все оформлено. Выпускать?

Бекеч смотрит в нашу сторону:

- Заведите его сюда.

Голос надзирателя (глуше):

- Эй ты! Але!.. Иди сюда.

Звук шагов входящего. Дверь закрылась. Бекеч:

- Та-ак. Гедговд? Сколько отсидел, Гедговд?

Голос Гедговда (около нас):

- Да безделушка, три месяца.

Доктор щурится, вглядываясь в Гедговда. Бекеч поднимает палец:

- И только потому, Гедговд, что доказана твоя непричастность к группе Барнягина. Мы это учитываем. Мы - справедливы.

Пауза. Гедговд не отвечает.

...Надеюсь, ты усвоишь этот урок и больше бегать не будешь никогда. Обещаешь?

Долговязый, измученный Гедговд, Сзади него, у двери, надзиратель. Гедговд шутит, но улыбка у него получается больная:

- То есть, как вам сказать, гражданин лейтенант? Поручиться честным благородным словом - не могу. Если опять... такой зажигательный момент. Парадоксально, но стремление к свободе, оно где-то там...

тычет себе в грудь.

...заложено... заложено....

Врач - крупно. Седые виски. Властная манера держаться, не как у простого заключенного:

- Это у вас, Гедговд, мы обнаружили спаи в верхушках! А ну-ка, подойдите, поднимите рубашку...

Все трое. Гедговд уже начинает расстегиваться. Бекеч:

- Доктор, ведь он выходит, на это есть санчасть.

Врач встает:

- Пойдемте со мной, Гедговд.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Из него открывается и светится дверь - выход из тюрьмы. В спину видим выходящего врача с чемоданчиком. Гедговда с узелком.

За дверью свет раздвигается, но не вовсе: это - пространство тюремного двора. Он обнесен забором в полтора человеческого роста. Сплошной деревянный забор уже окончен постройкой.

И еще за одной дверью распахивается

музыка широкая, тревожная.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
ШИРОКИЙ ЭКРАН.

общий вид лагеря, освещенного перед темнотой неестественным красноватым светом. Край выходных ворот, потом – "штабной" барак, на стене его – щиты-плакаты: "Строители пятой пятилетки!.." – дальше неразборчиво. На другом: "Труд для народа – счастье!" Дальше вглубь бараки, бараки заключенных.

Сильный ветер. Взмел щепу у забора тюрьмы, там и сям вихорьки пыли, надувает и полощет белым халатом врача.

Врач и Гедговд идут вдоль линейки.

А на западе – черные папахи туч, и в прорыв их – этот неестественный багровый послезакатный свет. И отчетливо видны на этом фоне черные коробки бараков, черные столбы, черные вознесшиеся пугалавышки.

Идут они, двое на нас. Красный отсвет на их щеках.

Врач:

– Гедговд! Я совсем вас не знаю. Но мне понравилось, как вы держали себя с начальством. Я угадываю в вас несовременного человека чести.

Невольно взглянули в сторону и остановились.

На отдельном щите – объявление, написанное кривовато. Ветер треплет его отклеившимся углом,

В воскресенье в столовой

КИНО

для лучших производственных

бригад. Культурно

воспитательная Часть.

Щит с объявлением минует (они идут дальше) – и в глубине видно крыльцо столовой. У восхода на него душатся заключенные. Два надзирателя сдерживают напор.

БЛИЖЕ.

Нестройные крики толкающихся.

Надзиратель кричит:

– А ну не лезь! Не лезь! Сейчас нарядчик придет – и только по списку бригад!

Мы – позади толпы и хорошо видим, как здесь проворно разувается Кишкин. Он покидает ботинки там, где разулся, и с помощью товарищей вскакивает на плечи задних. Он быстро бежит по плечам, по плечам так плотно стиснутых людей, что им не раздвинуться.

Кричит, простирая руки к надзирателям:

– Меня! Меня пропустите! На полу буду сидеть!

И, добежав до крыльца, перепрыгивает на его перила. Надзиратели смеются. Кишкин поворачивается и орет толпе, тыча себя в грудь:

– Меня! Меня пропустите! Меня!

Лицо его – глупое, дурацки растянутое, язык вываливается.

Головы толпы, как видны они с крыльца. Голоса:

– Ну и Кишкин!.. Чего придумал!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Но смех замирает. Его сменяет недоумение. Растерянность.

Стыд.

Уже не толкаются. Тихо стало. Кто-то:

- Дурак-дурак, а умный.
- Да поумнее нас. Пусти, ребята!

Движение на выход.

- Пусти!
- Расходись! Чего раззявились? Толпа разрезается.
- А какое кино?
- "Батька Махно покажет... в окно".

ИЗДАЛИ.

Толпа расходится. Пустеет около крыльца. Кишкин, как шут в цирке, боится спрыгнуть на землю и показывает, чтоб ему подали ботинки. Надзиратели растеряны - они стали тут не нужны.

Врач и Гедговд смотрят на все это. За головами их - последняя красная вспышка в черной заре. Переглянулись, усмехнулись. Идут дальше. Врач:

- Я вспомнил там, в тюрьме, что вы не из бригады ли Климова?
- Да.
- На осмотр к нам вы... когда-нибудь потом. А сейчас прошу вас: пришлите ко мне как можно быстрее вашего бригадира! Только так...

Твердое лицо Галактиона Адриановича.

...чтоб об этом вызове никто больше... и никогда!

Гедговд прикладывает руку к сердцу, кланяется:

- Галактион Адрианович! Я - верный конь Россинант...

ШТОРКА.

Яркий свет. Невысокая, но просторная комната. Два широких, редко обрешеченных окна и в той же стене - дверь. Спinoй к окнам за длинным столом без возвышения сидит президиум: уже знакомые нам четыре-пять старших офицеров лагеря. Одни в шапках, другие сняли их и положили на красную скатерть стола, на которой еще только графин с водой. В комнате не тепло: у майора шинель внакидку на плечах, другие - в запоясанных шинелях. Середина комнаты пуста, затем идут ряды простых скамей без прислона, на скамьях густо сидят заключенные спинами к нам, все без шапок, все головы стриженные. Эти подробности мы видим постепенно, а с самого начала слышим майора. Он то отечески журит, то сбивается на злой тон:

- Не по существу выступаете, бригадиры! Не по существу, ребята. Эти ваши мелкие жалобы, что баланда пустая, овощи мороженые, что там денег за работу не платим, - это мы утрясем. В рабочем порядке. Заходите ко мне в кабинет... И не спрашиваю я вас, кто режет. Все равно вы мне не скажете. Я сам узнаю. Я уже знаю!

Ведет глазами по рядам. Бекеч - нога за ногу у края стола.

Безучастен к выступлениям. Без фуражки волосы его распались и кажутся мальчишескими.

...Из вас покровителей - знаю!! Но хочу слышать от самих вас отношение ваше

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru какое, что бандиты людей режут? Вы, опора наша, – в чем поддержали? Листовки подлые вывешиваются – а вы хоть одну сорвали? Принесли ко мне на стол? И прямая ваша обязанность – заставлять работать! Проценты в лагерь нести! Иначе зачем вы есть, бригадиры? А вы развалили всю работу! По тресту за прошлый месяц – тридцать процентов выполнения плана. Так зачем тогда и лагерь? Он себя не окупает.

Голос из гущи:

– И не надо!

ОБОРОТ.

Вот они, бригадиры! Темный народ, бритые головы. Номера, номера... Телогрейки запахнуты. Шапки топырятся из-под них или зажаты между колен. Угрюмо смотрят лагерные волки. Правды от них не доищешься.

Голос майора:

– Что не надо? Пайки хлеба вам не надо? Не заработаете, так и не будет! Вот, Мантров отмалчивается. А умный парень. Хочу тебя послушать! Ну-ка, вставай! Вставай-вставай!

Гай и Климов во втором ряду. Глубже, у стеночки – Мантров. Нехотя он поднимается, как всегда прямой, даже изящный. Голос чистый:

– Гражданин майор! Я – человек, к сожалению, очень откровенный. Начну говорить – вам не понравится.

Голос из президиума.

– Говори! Говори!

– ...Вот вы, гражданин майор, начали сегодня с того, что грозили всех нас снимать с бригадирства. На это можно сказать только: по-жа-луй-ста! Нам быть сейчас бригадирами оч-чень мало радости. Быть сейчас бригадиром – эго каждое утро ждать ножа...

Касается белой своей гортани.

...вот сюда. В спокойных лагерях за бригадирские места дерутся, а у нас Пэ-Пэ-Че предлагает – никто не берет. И если вы хотите выполнения плана – надо принять некоторые разумные меры. Соленые арбузы – гнилые? Гнилые. Зачем же на них баланду варить? Надо подвезти капусту. И хоть рыба была бы на рыбу похожа, а не на ихтиозавра. И, конечно, ребятам обидно: в общих лагерях – зачеты, в общих лагерях сколько-то они на руки платят, а в особых – ничего. Два письма в год!.. Надо ходатайствовать в высшие инстанции, просить каких-то минимальных...

Начальник оперчекистского отдела (он развалился за столом, и кашне его серебристое сильно свешивается):

– ...уступок??

Ровный голос Мантрова:

– изменений к лучшему. И все опять наладится. И мы обеспечим вам план.

Начальник оперотдела:

– Ишь, лаковый какой! Не с того конца тянешь! Может, вам еще картошку с подсолнечным маслом? Вы – бордель свой прекратите!

– Я сказал, что думаю. Я предложил разумный план умиротворения.

Майор вздыхает:

– Я думал, ты умней чего скажешь, Мантров. Что я эти соленые арбузы вам – нарочно что ли искал? Отгрузили нам с базы два вагона теперь их не спишешь, надо

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru в котел класть. Еще кто?.. Тимохович?

В дальнем углу поднялся

Тимохович. У него грубый шрам от угла губы. В набухших узлах весь лоб, со склонностью к упрямой мысли. Нетесаный, говорит – как тяжело трудится. Тихо:

– Я часто соглашался раньше... как и все у нас считают... что мы, заключенные Равнинного лагеря, живем как собаки.

В президиуме оскалились, сейчас перебьют.

Многие бригадиры обернулись, все замерли. Тимохович очень волнуется, запинается:

...Но когда я хорошо подумал, я понял, что это не так.

В президиуме успокоились.

Бригадиры, бригадиры...

...Собака ходит только с одним номером, а на нас цепляют четыре... Собака отдежурила смену – и спит в конуре, а нас и после отбоя по три раза на проверку выгоняют... Собаке хоть кости мясные бросают, а мы их годами не видим...

Президиум. Начальник оперотдела протянул руку – перебить.

Майор открыл рот и никак не вымолвит.

...Потом у собаки...

Оглушающий звон разбитых стекол.

Позади президиума на черном ночном стекле – разбегающиеся беленькие змейки трещин.

И сразу – рваные остроугольные дыры в стеклах первой и второй рамы. Падение камня. Дозванивают падающие стекла. Чей-то громкий злорадный выкрик тут, в комнате:

– Салют!!

Смятение в президиуме. Бекеч вскочил:

Отрывистая смена кадров:

Камень на полу! – на пустой полосе между президиумом и бригадирами.

Сжал челюсти Бекеч: ловить! И бросился в дверь как был, без шапки, волосы разметались.

Майор вскочил (шинель свалилась на стул). Президиум – на иголках, дергается головами. Назад на дыру. Перед собой – на камень. На бригадиров.

Бригадиры как один – переклонились вперед, впились в президиум. Молчат зловеще.

Вьется майор на председательском месте, крутит головой в испуге.

Молчат. Напряглись. А если кинутся? Растерзают.

Президиум. Два окна позади, одно разбитое, другое целое.

Трое уселись кой-как, майор наволакивает шинель на плечи, стоит и жалобно стучит кулаком по столу, как бы призывая к... тишине.

Только его стук и слышен в полной тишине.

Голос Тимоховича:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
- Потом у собаки...

Майор - раздраженно и вместе с тем спрашивающе:

- Ну-ну, хватит... Не для этого собрались...

Ночная тьма. Равномерный умиротворяющий снег в полном безветрии.

Володя Федотов с радостным вдохновенным лицом подкрадывается ко второму, еще не разбитому, окну с кирпичом.

Майор:

- Администрация лагеря призывает вас, товари... тьфу... призывает...

Удар! Звон стекол!

И - второе окно! Кирпич - наискосок мимо головы майора!

И тот же голос:

- Салют!!

Стук паденья кирпича.

Рванулся президиум - бежать!

Бригадиры как будто привстали. Кинутся сейчас!! Отрежут выход! Растерзают!

Жалкое бегство президиума. Толкают друг друга на стол. Графин опрокинулся на пол, звон разбитого графина!

Серебристое кашне начальника оперчекистского отдела зацепилось за край стола и осталось там, свисая на пол. Майор запутался в падающей шинели и обронил ее у дверей... И чья-то шапка на столе, забытая...

Кусок пола во весь экран, Осколки графина. Лужа, подтекающая под стол президиума. Кончик свисающего кашне. Камень.

В другом месте - кирпич. И шинель майора комком, отчетливо виден один погон. тишина.

Недвижимые вещи. Только струйки воды пробивают себе дорогу.

шум встающего человека.

Его ноги вступают в кадр, идут к выходу. Одна нога наступает на шинель майора. Ноги останавливаются.

Постепенно видим в рост и всего Гая, обернувшегося к нам:

- Ну что ж, ребята, сидеть? Время позднее...

И спины бригадиров, встающих со скамей.

Шум вставания, передвиг скамей.

КРУПНО.

Усмешка Гая! Но не ястребом кажется сейчас - Ахиллом:

...Заседание - окончено...

музыка жесткая!

ЗАТЕМНЕНИЕ. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Приемный кабинет врача. За столом – Галактион Адрианович в белом.

Вошел и прикрывает дверь – Климов, держа шапку в руке.

– Подойдите ближе, Климов.

Климов подходит к самому столу изучающе смотрит на врача. Он все видывал, его немногим удивишь. Оперев подбородок на составленные руки, врач говорит снизу вверх, очень тихо, отдельно;

– Вчера в БУРе при мне умер ваш бригадник Чеслав Гавронский. Климов вздрогнул, преобразился.

...Он умер избитый, обезображенный, с выдавленным глазом. Он просил передать вам, что это сделали стукачи из шестой камеры. Запомните – шестой. Ваших товарищей туда бросают, чтоб они раскололись, назвали руководителей и... исполнителей.

всплеск музыки!

Ноздри Климова раздуваются, лицо – как будто он лезет на пулеметы:

– Доктор!!..

Двумя руками жмет руку врача, на лице – зреющее решение:

– Доктор!.. Доктор!..

ЗАТЕМНЕНИЕ МЕДЛЕННОЕ.

музыка нарастающей революции!

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ. ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Внутренность большого барака. Электрический свет. Немногие лежат, большинство сидит на низах вагонок и, помалу откусывая от кусочков черного хлеба, пьют чай из кружек. Кто-то разложил телогрейку, рассматривает, как латать.

Быстро входит Богдан, с ним – двое парубков. Окинул взглядом:

– Шо? Вэчеряетэ? Пайку дорубливаетэ? А нашим соколам ясным в БУРе очи выкалуют?

Всеобщее внимание.

Богдан срывает номер со своей груди, бросает на пол, топчет:

...Наших ребят до стукачей садовлять – а ти им душу вынають?! А вы тут пайку ухопылы – та жуэтэ? А ну, ссовывайся!

Подскакивают втроем к вагонке, сгоняют сидящих, сбрасывают на пол матрасы, щиты,

БЛИЖЕ.

и вот остался уже только каркас вагонки – две стойки из толстого бруса и таких же два прогона. Молотком выбивают клинья,

стук

и прогоны стали таранами. Раскачали их, примериваясь, – вот так будут бить тюрьму! Богдан кричит:

– О то нам зброя! Ломай вагонки! Уси – до БУРа! Общий вид.

В бараке – разноречивое движение. Начинают разбирать еще несколько вагонок. Кто-то выбежал. Многие мнутя. Богдан быстро идет по бараку и поддает кулаком в спины:

– До БУРа! До тюрьмы!..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

В дверях – Климов.

На лице его – одушевление боя:

– Да что ж вы делаете, четвертый барак? Там забор ломают – а вы брюхо накачиваете? Ждете, чтоб и вас по карцерам распихали? Кто свободу любит – вы-ходи!!

ОБЩИЙ ВИД.

После оцепенения все бросаются разбирать вагонки или с пустыми руками, кто-то с кочергой от печки бегут!

бегут!

Голос Климова:

– За свободу! – Выходи!!

Повелительные призывы музыки.

Бегут на выход! на выход!

КОСАЯ ШТОРКА, КАК УДАР ХЛЫСТА.

По вечернему лагерю – бегут фигурки заключенных!

И все в одну сторону!

В музыке – штурм, в музыке – мятеж!

На белом снегу и в полосах света от окон бараков хорошо видны фигурки бегущих. Они с брусьями, с палками. Бегут!

Бегут!

Музыка: лучше смерть, чем эта позорная жизнь! В этой волне нельзя остановиться! Готовы бежать с ними и мы!

БЛИЗКО

в полутьме – отрешенные лица бегущих! Они слышат этот марш, которому остановка – смерть!

Вот виден и мрачный БУР, к которому сбегаются со всех сторон!

Громкое, на весь лагерь, натужное скрипение – это визжат сотни гвоздей, это выламывают доски из обшивки забора.

В мощном заборе уже несколько проломов – и туда лезут, лезут!

На телефонном столбе – заключенный обрезает последний провод и начинает осторожно (он без кошек, в простых ботинках) слезать.

Да это Володя Федотов!

Столб, с которого он слезает, близко от калитки в БУР.

Один конец провода так и повис через забор тюрьмы.

Связь перерезана!

Все то же скрипенье. Стук ломов, лопат.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

ПЕРЕНОС ВБОК, РЫВКОМ.

По линейке убегают двое надзирателей. За ними гонятся зэки, швыряют вслед им камни, кирпичи. Те успевают вбежать в узкую дверь внешней вахты, закрыться – и еще пара кирпичей в тесовую стенку вахты шлеп! шлеп!

ПЕРЕНОС РЫВКОМ.

Бьют стекла, бегая вокруг штабного барака. В луче мелькает: "Строители пятой пятилетки!".

Звон стекол.

С крыльца сбегает Бекеч. Он озирается. Он бежит...

...в сторону вахты. Но наперерез ему – двое с ножами! Круто повернув, Бекеч бежит...

...мимо забора хоздвора...

закоулком темным мимо уборной... И те двое – за ним!

Встречаются зэки, но не мешают Бекечу...

А с ножами сзади гонятся... гонятся...

Стремительно пересекая освещенное пространство, Бекеч бежит...

в самый угол зоны, к угловой вышке, на прожектор...

Нас ослепляет прожектор.

Выстрел с вышки над нашей головой.

Преследующие замялись, отступают.

Голос Бекеча:

– Вышка! Не стреляй! Я свой! Я – свой! Вышка, помоги!

Поднырив под луч прожектора, видим, как Бекеч сбросил шинель, перекрыл ею колючую проволоку и неловко перелезает, нелепо балансируя, через угловой столбик предзонника. Спрыгнул с той стороны, упал, поднялся.

И, карабкаясь по откосой ноге вышки, схватился за ствол карабина, спущенный ему оттуда.

Поднялся на вышку (видим его ноги, взлетающие выше экрана).

Шинель так и осталась висеть на колючей проволоке.

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Комната тюремной канцелярии. Два надзирателя склонились над телефоном. Один (с угольным лицом, читавший приговор) кричит в трубку:

– Товарищ лейтенант! Решетки ломают!.. В двери долбят! Что делать?!.. Товарищ начальник режима!.. Товарищ Бекеч!..

Нет ответа!..

ШТОРКА. ШИРОКИЙ ЭКРАН.

а марш! зовет на штурм, наливается силой! В его тревожных перебежаниях

перебегают, носятся заключенные за проломленным, а где и поваленным забором.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Здесь ломками тяжелыми бьют по решеткам! Отгибают их ломками, как рычагами! Звуки ударов сливаются с ликованием марша!

С неба вспыхивает странное освещение: яркое, дрожащее, бледнозеленое.

Это с вышки бросили осветительную ракету – охрана хочет видеть, что происходит в лагере.

В этом мертвенно-зеленом свете видим, как бьют толстыми ломками в железную дверь тюрьмы. Но она не поддается!

Марш обещает победу! Выше, выше! Вперед, вперед!

Ракета померкла. Взгляд вдоль тюремной стены. Кто-то взобрался на спину другого и, сравнившись с окошком камеры, кричит:

– Яка камера? Яка камера?

Ослепительная розовая ракета.

Голова спрашивающего – сбоку. И окошко тюремное – впол-экрана. Хорошо видна вся глубина ниши – оттуда, ухватись за решетку, подтянулся к нам – Иван Барнягин! непобедимый Барнягин!

В розовом свете ракеты сияет его лицо.

– Седьмая. А вам какую, братцы?

– Шошту!

– Стукачей? Вот они, рядом, вот они!

Показывает пальцем. Смеется. Померкла ракета.

Но по крыше БУРа начинают ползать лучи прожекторов (ниже не пропускает их забор). Отраженный свет их белесовато освещает дворик БУРа.

Спрыгнувший кричит:

– Эй, хлопцы! Ось она, шошта! Ось камера шошта!

– Тащи сюда керосин!

– Солому – сюда, братцы!

а марш свое!

Белая ракета! Меж разбитых и отогнутых прутьев одной решетки вытискивается наружу – Хадрис. Двумя руками из окна приветствует освободителей;

– Селям!

Ему кричат:

– Сколько вас там?

– Я один! Одиночка.

Ликует свобода!

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

музыка оборвалась.

Камера стукачей. Переполох! Абдушидзе кричит, показывая вверх:

– Лампочку бей! Лампочку бей!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Разбили. Темно.

Тревожный, неразборчивый гул. Стуки в дверь:

- Гражданин начальник! Гражданин начальник!

Красная ракета! Красное небо за черными прутьями решетки. И вровень с окном поднимается сразу свирепое лицо:

- Господа стукачи?..

Замер стук в дверь.

...Господа стукачи! Гавронского замучили? Тараса - пытали?.. Народ приговорил вас - к смерти!!

В погасающем свете ракеты видно, как он поднимает ведро, отклоняется и выплескивает через окно. Хлюпанье. Крики:

- Ке-ро-си-ин!.. Спасите!.. Простите!.. Гражданин начальник!

Отчаянный стук.

Через окно бросают пучки горящей соломы - один! другой! третий!

Теперь-то мы видим камеру! Загорается сама решетка, откосы оконного углубления, и верхние нары с матрасами, с бушлатами...

...и по керосину вниз перекидывается огонь.

Все в оранжевом веселом огне! Но где же люди? - хрипящие, кричащие, стучащиеся...

Все столпились у выхода! Толкая и оттаскивая друг друга, они стараются втиснуться в дверную нишу, чтобы быть двадцатью, десятью сантиметрами дальше от огня! Они стараются спрятать от него голову! отвернуться! закрыться руками! пальцами растопыренными! извивающимися!

Вопли! стук! царапанье! плач!

В оранжевом озарении мы не видим их лиц, не различаем тел, видим одно стиснутое обреченное стадо, которое уже корезит жаром.

И мелькает лицо С-213 в предсмертной муке.

ШТОРКА.

Соседняя камера. Выломанным столбом от нар арестанты под руководством Барнягина бьют в дверь и хором ожесточенно приговаривают:

- Раз-два-взяли! Раз-два-дали!.. Е-ще разик! Е-ще раз!

Надо видеть лицо Барнягина!..

ШТОРКА. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЭКРАН.

Длинные высокие (от узости) коридоры тюрьмы, два напролет через раскрытые двери. Мало света - тусклые лампочки под потолком в проволочных предохранителях. Два надзирателя беззвучно мечутся, прислушиваясь к стукам и крикам.

Приглушенные отголоски марша наступающих. Глухие внешние удары в тюрьму.

КРУПНО.

Угольный надзиратель, шепчет помощнику:

- Что мы с тобой вдвоем? Пропали! Я отопру шестую!

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Дверь с номерком "6".

грохот замка.

отпахивается. Оттуда – снопы оранжевого света, дым, и люди падают друг через друга на пол. Вой, ругательства, радость.

ШТОРКА.

Входной тамбур тюрьмы.

Яростные удары в дверь, к нам,

Здесь столпились все освобожденные стукачи. Они вооружены палками, досками, швабрами, кочергами, лопатами. Обозленные, обожженные, кровоточащие и жалкие лица. Некоторые сзади влезли на ящики, – выше других. У стены – два надзирателя с пистолетами в руках. Биться насмерть – выхода нет. Все молчат. Все с ужасом смотрят на

железную дверь. Она подается. Засовы погнулись. Петли перекошились. В одном месте – уже щель, куда заходят ломы.

Яростные удары в дверь.

ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Та же дверь – снаружи. В отсветах прожекторов (из-под крыши) видно:

это Гай долбит!! Ну и силища! Так дрались только у Гомера!

Не-ет, дверь не устоит! И лом – не лом, а на двух человек балка стальная!

И нахлынул опять тот же марш!

Еще немного! Еще немного!.. Устал Гай, отходит со своим ломом.

ШИРОКИЙ ЭКРАН.

И тогда дюжина зэков берется за долгое толстое бревно, разбегается с ним и с разгону бьет: б-бу!

Отходят с бревном. Видим среди них острую голову Гедговда. Он без шапки, на лице – восторг. Потому ли, что он длиннее всех, кажется, что от него – помеха, а не помощь.

а музыка зовет – не отступать. Тираны мира! – трепещите!

Разогнались

б-бу! пролом! Отходят.

И Володя Федотов тут. И Хадрис. И худощавый Антонас, Еще разок!

Но раздается густой пулеметный стук из нескольких мест.

Оборвалась музыка.

Бросают бревно! Падают! Все замирают.

А луч прожектора над головами начинает переползать туда и сюда.

Близкий крик:

– С вышек бьют, гады!.. По зоне лепят!

Пулеметы стихают.

Лежащие вскакивают. Но не успевают схватиться за бревно, как

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
через распахнутую калитку забора кто-то кричит:

- Автоматчики!.. Автоматчики! в зоне!

Раскрыты двойные лагерные ворота.

И по пустынной линейке входят в лагерь две цепочки солдат. Ощетиненные автоматами, они стараются держаться выпуклыми полукругами. Прожекторы с вышек освещают им путь.

МЫ ОТСТУПАЕМ.

Они идут - мертво перед ними.

Вдруг, по знаку офицера, - огни из стволов!

Очередь!

В нас! В лагерь! Каждый, стреляя, ведет автоматом немного влево, немного вправо.

И кончили.

МЫ - ЕЩЁ ДАЛЬШЕ.

Они продвигаются. В кадр попадают - слева БУР с изуродованным забором, справа - штабной барак с битыми окнами.

Они продвигаются. Они продвигаются. Сопротивления нет.

Заклоченных нет.

Автоматчики развернулись в обе стороны.

Бекеч (в военном бушлате вместо шинели) кричит в дверь БУРа:

- Откройте! Я - Бекеч!

Изнутри голоса:

- Уже нельзя отпереть! Еще ударьте! Вылетит!

Знак Бекеча. Автоматчики берутся за бревно и нехотя бьют им.

Общий вид лагеря, как виден он конвойному офицеру с линейки (его затылок на первом плане). В лагере один за другим погасают фонари на столбах. Слышно, как бьют камнями то в жестяные щитки, то в сами лампочки.

И окна барачков гаснут одно за другим. Лагерь погружается в сплошную темноту. Окружный свет зоны слаб, чтоб его осветить.

Два пятна от прожекторов здесь, перед конвоем, еще резче выказывают эту угрожающую темноту. К офицеру подходит Бекеч:

- Надо продвинуться и захватить мятежников, с десятков.

- Имею приказ только обеспечить вам вывод. Дальше комбат запросил инструкций, из Караганды.

Вот кого они выводят: униженной крадущейся шеренгой, все еще с палками, лопатами и кочергами, отступают за спинами конвоиров двадцать человек, строивших жизнь на предательстве. Жалкий момент жизни!

Надзиратели замыкают.

Последняя цепочка автоматчиков втягивается в ворота и сводит их за собой.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ (УЗКИЙ) ЭКРАН.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Коридоры тюрьмы напролет.

Радостные крики под сводами.

И всплеск того же марша!

Сбоку, из входного коридора, вваливаются первые освободители – с брусьями, лопатами, ломami. Они растекаются в дальний и ближний концы коридора!

Среди передних бегущих – Гедговд. Он озарен восторгом. Он припадает к двери камеры, кричит:

– Барнягин! Ваня! Победа! Я так и знал – Юпитер в параллели с Солнцем!

СБОКУ ПРОСТУПАЕТ

толща стены, за ней

часть камеры. Барнягин кричит:

– Отойти, Бакалавр! Отойти, долбаем!..

и командует своим, снова схватившим столб:

...Раз-два-взяли!

Хор:

– Е-ще дали!

НАПЛЫВОМ

вместо их камеры – соседняя. Обугленные остатки нар, матрасов, тряпья. Расставив ноги, скрестив руки, посреди камеры стоит Климов. Молчит.

А в коридоре суeta, ломami взламывают дверные засовы. Уже какую-то камеру открыли, оттуда вывалили освобожденные. Объятья!

Крики.

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ – ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Внутренность столовой – столбы, столы. Множество заключенных митингует в совершенном беспорядке. Несколько человек – на возвышении для оркестра. Вскидывания, размахивания рук. Нестройный шум, крики.

И вдруг близ самого нашего уха чей-то очень уверенный громкий голос, привыкший повелевать (мы не видим говорящего):

– Ну, и что? р-ре-волюционеры!?!..

Все обернулись, смолкли.

А он совсем не торопится:

...И есть у вас военный опыт? И вы представляете, что теперь вам нужно делать?

Что за чудо? Офицер? Генерал?.. В отдалении, у входа, один, заложив руку за полу офицерской шинели, правда, без отличий и петлиц, стоит высокий, плечистый, в генеральской папaхе

полковник Евдокимов! Он – и не он!.. Что делает форма с человеком! Усмешка на его лице:

...Бить стекла, долбать забор – это легче всего. А теперь что?

Настороженное молчание толпы, которой мы не видим.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Полковник все уже сказал, и стоит с пренебрежительной усмешкой.

Голоса:

- Полковника в командиры!.. Академию кончал!.. Хотим полковника!.. Просим!

Полковник быстро идет сюда, к нам,
в толпу. Люди раздвигаются перед ним.

Властно взошел он на трибуну, стал рядом с Гаем, Богданом, Климовым. Косится на них свысока. Гай делает уступающее движение:

- Я - только старший сержант. Я не возражаю.

На кого не подействует эта форма, эта уверенность!

Полковник не снисходит митинговать. Насупив брови, спрашивает:

- Каптер продсклада - здесь?

Голос:

- Здесь!

- Через два часа представить отчет о наличии продуктов. Бухгалтер продстола?

Визжащий старческий:

- Здесь!

- По сегодняшней строевке минус убитые выписать на завтра разнарядку кухне и хлеборезке.

- По каким нормам?

- По тем же самым, по каким! Может, в осаде месяц сидеть!

Повелительно протягивает руку:

- Бригадир Тимохович! Соберите по зоне убитых. Подсчитайте побригадно, дайте сведения в продстол. В хоздворе выкопайте братскую могилу, завтра будем хоронить.

Голос:

- Не морочьте голову с каптерками, полковник! Надо думать о лозунгах восстания!

Полковник Евдокимов грозно удивлен:

- То есть, это какие - лозунги?!

Косится на Богдана:

...Свобода щирой Украине? Так завтра нас пулеметами покروют. Если мы хотим остаться в живых, наш лозунг может быть только один: "Да здравствует Центральный Комитет нашей партии! Да здравствует товарищ Сталин!"

Разноречивый ропот.

Вдруг - радостный вопль на всю столовую:

- Эй политиканы! Стадо воловье! Что вы тут топчетесь?! Наши стенку пробили в женский лагпункт! К ба-абам!!!

Движение среди видимых нам первых рядов. Богдан, потом и Климов спрыгивают с помоста. Гул в толпе. Топот убегающих.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Полковник с досадой бьет рука об руку.

- Ах, это зря!.. Это надо было оставить!.

Гай:

- Но не в этом ли свобода людей, полковник?

Евдокимов скривился:

- Бар-дак!.. Управление, связь - все теперь к черту!

Гай, насунув шапку на самые глаза:

- Не у всех посылки, как у вас, полковник. Многим давно уже не до баб...

Громко:

...Так насчет лозунгов, братья!..

ШТОРКА.

Широкий экран разгорожен посередине разрезом стены в два самана. Слева - мужчины (мы видим их до колен) долбят стену ломами, кирками, Лопатами. Она, видно, замерзла, трудно колетса. Они рубят как бы дыру, арочный свод, стена держится над ними, и ее верха мы не видим. А справа - сгущается стайка женщин в ожидании. Они тесно стоят, держатся друг за друга. Они с такими же номерами - на шапкахушанках, телогрейках, юбках. Они часто оглядываются в опасении надзирателей.

Музыка! Жизни нерасцветшие или прерванные...

Женщины не только молодые, тут всякие. После нескольких лет замкнутой женской зоны, обреченные на ледяной двадцатипятилетний срок,- как могут остаться спокойными к ударам мужских ломов в стену?

Это стучатся в твою грудь!

Это и любопытство.

Это и встреча с братьями, земляками.

Среди женщин мы можем угадать по лицам - украинок... эстонок... литовок...

Уже первый лом один раз прошел насквозь! Еще немножко! Еще! Падают куски! падают!..

Есть проход! Мужчины бросают ломы и кирки, они протягивают руки в пролом и стайка женщин бросается к ним! И протягивает руки!

КРУПНО.

- Соединенные руки! Соединенные руки! Союз мужчины и женщины старше всех союзов на земле!

Бегут еще! Одни туда, другие сюда, все перемешалось! Надзирателей нет!

- Демка!

- Фрося!

- Девочки, прыгай, не бойся!

- Вильность, дивчата!..

И еще - не разбираем языка, и тем выразительней переливание, мука и радость этих голосов.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Номера женской зоны закружились между номерами мужской.

Поцелуи – каменного века! – некого стыдиться, некогда кокетничать!

И Володя Федотов держит за локти какую-то девушку с нерусским лицом, с чуть высокомерным запрокидом головы.

– Ты не понимаешь меня, Аура?.. Но ты же в лагере немножко научилась по-русски?.. Аура! Меня арестовали – я не только еще не был женат, я...

Аура отвечает что-то по-литовски.

Они может быть и поцелуются сейчас, но мы этого не увидим.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Опять они! Но уже сидя на вагонке. Теперь уж она без шапки, ее волосы длинные рассыпались по Володиной груди, он их перебирает и целует.

Доносятся хрупкие стеклянные звуки бандуры.

И соседняя вагонка видна. Мантров, отвернувшись у тумбочки, старается не смотреть на этих двоих, хотя сидит прямо перед ними.

И на других вагонках, на нижних щитах и на верхних, сидят там и сям женщины. Как странно видеть прически и длинные волосы в лагерном бараке! Ближе бандура. Несколько тихих голосов, женских и мужских, поют:

Выйди, коханая, працею зморэна,

хоч на хвылыноньку в гай...

А вот и старик-бандурист – наголо стриженный, как обесчещенный.

И крышка бандуры его с мазаной хаткой, с писаной неживой дивчиной.

И – живая, похожая, лежит на смежной верхней вагонке, поет. Ее сосед встает, шагает по верхним нарам к ближней лампочке. Выкручивает ее и кричит:

– Эй, люды добры! Як майора Чередниченко нэма – так кто ж будэ электроэнергию экономыты? Геть их, лампочки Ильичеви, чи они вам за дэсять рокив у камерах очей нэ выелы?

– Общий вид барака. Вторую лампочку выкрутили. Третью.

А последнюю – украинка толстая.

Полная темнота.

И смолкла бандура посреди напева.

День. На крыше барака сидят двое зэков в бушлатах и, как-то странно держа руки, запрокинувшись, смотрят вверх.

Из их рук идет вверх почти непроследимая нить.

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ.

Явственной веревочка. Вверх. Вверх.

Мутное зимнее небо. В легком ветерке дергается самодельный бумажный змей. На нем:

Жители поселка! Знайте!

Мы потому бастуем,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
что работали от зари до зари

на хозяев голодные

и не получали ни копейки.

Не верьте клевете о нас!

отдаленная пулеметная стрельба. Резкий свист пуль по залу.

в экран! в змея! одна из очередей проходит дырчатой линией через угол змея.

Но змей парит!

И МЫ ТОЖЕ СТАЛИ ПТИЦЕЙ.

Мы делаем круги над лагерем и спускаемся.

На крышах нескольких барачных бараков – по два заключенных. Это наблюдатели.

На вышках – не по одному постовому, как всегда, а по два.

На одной вышке стоит еще офицер и фотографирует что-то в лагере.

А в зоне – несколько проломов: повален забор, разорвана колючая проволока.

За зоной против этих мест – торчит из земли щит с объявлением:

КТО НЕ С БАНДИТАМИ

– переходи здесь!

Тут не стреляем.

А в лагере против этих мест – баррикады, натащены саманы, ящики.

И около каждой баррикады стоит двое постовых с самодельными пиками (пики – из прутьев барачных решеток).

И против ворот, против вахты – большая баррикада.

И тоже стоят постовые с пиками: двое мужчин, одна женщина.

А за зоной

пехотные окопные ячейки. В них сидят-мерзнут хмурые пулеметные расчеты, смотрят на лагерь.

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

На двери приколота бумажка:

ШТАБ ОБОРОНЫ

Перед дверью прохаживается с пикой молоденький зэк-часовой.

За этой дверью – по вазону с широкой агавой мы узнаем бывший кабинет оперуполномоченного. За письменным столом

сидит полковник Евдокимов в военном кителе с невоенными пуговицами.

Гай уронил черную стриженую голову на поперечный стол и как будто спит.

Сложив руки, сидит Магомет, спокойный, как гора.

В разных позах еще в комнате – Климов, Богдан, Барнягин, Галактион Адрианович и пожилой нормировщик. Все – без номеров. В углу стоит худощавый Антонас и очень

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru строго смотрит.

Говорит Евдокимов:

- Я не знаю - какие могут быть претензии к штабу? Мы в осаде восемь дней. Никакой свалки вокруг продуктов, никаких злоупотреблений на кухне. Имеем месячный запас. Караульная служба - безупречна. Полный порядок!

КОСЫМ РЫВКОМ

переносимся к Барнягину:

- На хрена нам ваш порядок? При МВД тоже в лагере был порядок! Он на шее у нас - порядок! Нам не порядок, а свобода нужна!

- Но откуда нам достать свободу, майор Барнягин? Может быть, в первую ночь мы еще могли разбежаться. Никто, однако, этого не предлагал. А сейчас - момент упущен, перестреляют.

Климов, рядом с Барнягиным:

- Для свободы нам нужно оружие! - а мы его не ищем.

Евдокимов. Рассудительно-снисходителен:

- Слушайте, друзья, ну нельзя же планировать операции, находясь на уровне грудных детей. Значит, с ножами и пиками идти добывать пулеметы? - уложим половину личного состава. А что делать потом с оружием? Захватить рудники? Что это нам даст? Идти с боями на Караганду? Утопия.

Пожилой нормировщик, рыхлый, растерянный:

- Товарищи! Товарищи! Да где вы читали, где вы видели, чтобы лагерные восстания удавались? Это же не бывает!

Он мучается, ломает пальцы. Галактион Адрианович, двинув бровями, говорит ему по соседству:

- А где вы вообще видели восстания? Они только начинаются.

Евдокимов:

- Никаких активных и позитивных действий мы предпринять не способны. И недаром каждый день от нас уходит по несколько дезертиров. Эт-то показательно.

Богдан кричит:

- Так шо нам - за бабы сиськи трематься?.. Нас тут як тараканов передушат! Треба яку-сь-то иньшу справу!..

Климов зло:

- Значит, "не надо было братья за оружие"?!

Евдокимов (твердо и на этот раз быстро):

- За ножи? - да, не надо было! Прежде, чем все это начинать, головой надо было думать, м-мыслители!..

Магомет поднимает руку, удерживая Климова от ответа:

- Хорошо, полковник. Но уже после ножей вы взялись руководить. Значит, вы видели выход. Какой?

Евдокимов всех обвел глазами. Чуть подумал. Не потому, что не знает. Усиленно сдерживаясь:

- Давайте рассуждать трезво, товарищи. Победить - мы вообще не можем. Никто из

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru вас не возьмется даже назвать, как это мы могли бы "победить".

Нормировщик, очень волнуюсь:

- Но нам три дня подряд предлагали выйти на работу - и надо было не отказываться!

Антонас из угла (он все так же не садится):

- А расстрелянных - в землю? А номера - опять на лоб?

Евдокимов:

- Не надо нам гадать. Никаких фантазий нам не надо. Рассуждайте логически. Мы можем только с м я г ч и т ь п о р а ж е н и е. И эту грозную передышку в несколько дней - меня оч-чень беспокоит их молчание - надо использовать действительно не для того, чтобы за сиськи трематься, как я тебе, Богдан, и говорил! - а для п е р е г о в о р о в! Чтобы наименее болезненно вернуться в рамки... мирной жизни.

Косой рывок.

Барнягин:

- То есть... просить гражданина начальника... разрешить нам вернуться на каторгу?... Так??

За его спиной раскрывается дверь. Часовой:

- Товарищ полковник! Дежурный по дозорам - Мантров. Срочное сообщение!

Голос Евдокимова:

- Пусть зайдет.

Часовой выскакивает, впускает Мантрова и Федотова. Они перепоясаны, подтянуты, Мантров - с номерами, Федотов - без. У Мантрова его постоянное рассчитанное спокойствие, говорит как об обычном:

- Со станции слышен сильный рев моторов. Это - не автомашины. Или трактора, или...

оборачивается на Володю. Тот взволнован, решителен, переклонен вперед:

- ...танки! Я различил стволы и башни. По шуму - танков с десятков.

Гай резко поднял голову, лежавшую лбом на столе. Послушал Володю. Обвел присутствующих. Встал. Богатырь. Ястребиный профиль. В тишине - тихо:

- Это не бульдозеры, ясно... Полковник, вы не правы: начинали не мы. Начинал тот, кто сдавал нас в плен, а выжившим навьючивал немыслимые сроки. Начинали те, кто нашил на нас номера и запер бараки. Те начинали, кто...

разгорячается

...оплел нас стукачами, бил палками и бросал в ледяные карцеры. Никогда с сорок первого года - да со дня рождения самого - не было у нас никакого выбора! И сейчас его нет: надо готовить бутылки горючие! И щели копать! И будем с танками драться!!

Он - пойдет на танки! Это видно. Музыка!

И Федотов пойдет!

А Мантров (с ним в кадре)...?

ЗАТЕМНЕНИЕ. ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Ночное небо светлее ночной земли, и рядом с баррикадой видны два черных силуэта – сторожевой дозор. Ветерок чуть треплет спущенные уши их шапок.

А дальше, за проломом – разбросанные огоньки поселка. Оттуда, издали, иногда прожектор быстро прошарит по земле, ослепит и погаснет.

Мы успели разглядеть, что здесь – Федотов и Мантров.

Они долго молчат. Вздох:

– Да, Володька... Думали университет вместе кончать, а кончим вместе – жизнь... Вот попали в заваруху...

Молчат.

– Здорово все-таки Гай сказал. Никогда, у нас не было выбора, Витька. Не выбирали мы, где родиться. А родясь – не могли не думать. А за то нас схватили – и опять-таки не могли мы не бороться. И за это теперь умрем...

Пауза.

...Утешимся только тем, что сколько мир стоит, лучшие никогда не выживают, они всегда умирают раньше. Во всей истории так. И на войне так. И в лагере.

– Ну, не согласен. Выживают всегда – умные.

– Так, может быть, умные – не лучшие?..

Молчат.

– А вообрази, если б тебя сейчас выпустили и Ауру тоже, – ведь ты б на ней не женился.

– Почему ты думаешь?

– Вас просто телячий восторг соединил. А ведь она – чужой человек: католичка, литовка.

– А та, которая нас всех сюда заложила, была комсомолка и русская.

Молчат.

– Слушай, Вовка. Последняя, может быть, ночь. Пойди уж к ней.

– Как же ты останешься один?

– Ну, на часок.

– Н-н-нет...

– Если я тебя отпускаю?

– Не соблазняй.

Пауза.

– Ну, тогда иначе. Пойди разбуди Генку, мы постоим с ним. А потом приходи с Аурой вместе – и вы постоите.

– Так – давай!

– Вали!

И Володя уходит в нашу сторону.

стихают его шаги.

Мантров некоторое время неподвижен. Ждет. И вдруг...

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
настороженная музыка. Что случилось??

быстро идет

в пролом!

И мы за ним!

Мы плохо видим его в темноте, у земли. Он крадется, он бежит! Легкий топот его и срывчивое дыхание. Пугающе-громко из темноты взвод затвора и:

- Стой! Кто идет?!

Мантров задыхается:

- Не стреляйте! Я к вам! Не стреляйте!

Луч фонарика оттуда ему в лицо. И теперь видим, как он поднял руки:

- Не стреляйте! Я - добровольно!

Группа военных в полушубках. Один выступил, слегка обыскал Мантрова при боковом свете фонарика.

- Взять руки назад! Марш!

Увели вглубь, сквозь них. Фонарик, перед тем как погаснуть, косо скользнул по плакату:

КТО НЕ С БАНДИТАМИ...

Темно.

Вдруг - яркий свет. Просторная комната. Портреты Ленина и Сталина. Десятка полтора офицеров - за длинным столом и кто где попало. Золотые и серебряные погоны. Широкие. И узкие судейские. Подполковники, полковники. Военного вида и чиновного.

Начальство лагеря - Чередниченко, Бекеч, оперативники - сбились в сторону, они тут ничтожны.

Яснолицый высоколобый подполковник с тремя орденами стоит посреди комнаты прочно, властно (портрет беспощадного Сталина пришелся сзади него) и как бы рубит указательным пальцем:

- Так. Обстановка в лагере, настроение, планы, организационная структура, - это все ясно. Благодариме Евдокимова - учтем по вашему свидетельству. Непримиримость других членов штаба - тоже. Но это не все!

БЫСТРЫЙ ОБОРОТ ОБЪЕКТИВА ВКРУГ КОМНАТЫ, И ОН ПОКАЧНУЛСЯ

ПРИ ЭТОМ.

Мантров - бледный, у стены. Рядом стул, но он не сидит. Языком пробивает сухие губы. Близ него на стене - военная таблица со штыковыми приемами.

Тот же голос:

...ведь вы были уважаемым бригадиром! Вы жили в самой этой каше и не могли не знать: кто резал людей? Кто посылал резать? Кто писал листовки? Кто руководил штурмом лагерной тюрьмы? Кто им выдал инструмент с хоздвора?

Обезумело смотрит Мантров. Таких несколько минут на жизнь, и можно потерять разум.

Голос все громче, до крика:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
...А уж о собственной бригаде вы расскажете нам все! - все! О каждом! Мне подсказывают, у вас есть дружок и одноделец Федотов - вот он нас очень интересуется!

Мантрову - невыносимо. Его как штыком пригвоздили к стене.

Он бьется и кричит:

- Я не для этого к вам пришел! Я пришел потому... что я не одобрял восстания! Я не хотел умирать! Я хочу отбывать срок! Но я не обязан быть предателем! Я - не предатель!..

И - упал на стул. Заплакал.

В кадр вступил яснолицый подполковник:

- Ни-кто не смеет назвать вас предателем! Но помочь правосудию вам придется.

МЕДЛЕННЫЙ ПОВОРОТ. ОБЪЕКТИВ ПРОПЛЫВАЕТ

по офицерским лицам. Они застыло смотрят на нас. Они уже победили! Серебро и золото! Изваянные самодовольства! Великое государство! Держава полумира! Кто - дерзнул?!

Срывающийся плач Мантрова.

ЗАТЕМНЕНИЕ. ЭКРАН СОХРАНЯЕТСЯ ТЁМНЫМ,

а уже нарастающе, согласно гудят танки.

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ, ЧУТЬ СВЕРХУ

в пасмурном рассвете мы видим дюжину боевых прославленных Т-34.

Мы застаем их в тот момент, когда из каждого люка еще высунуто по последней голове в черном шлеме. Танкисты - стальные герои с плакатов. Они не движутся. Они будто даже не команды ждут, а прислушиваются, как сквозь гудение танковых моторов мощный хор мужских голосов поет им напутствие:

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ! ВСТАВАЙ НА СМЕРТНЫЙ БОЙ С ФАШИСТСКОЙ СИЛОЙ ТЕМНОЮ, С ПРОКЛЯТОЮ ОРДОЙ!

И - разом все прячутся, закрывая люки. Громче танковый рев.

Танки - пошли!

МЫ ОТБЕГАЕМ

внизу по земле перед ними. Пошли!.. Пошли!.. Пошли на нас!.. Трясется земля вокруг нас!

Красный всплеск из пушечного дула!.. Еще!

Оглушающий выстрел! Второй!

Развалены лагерные ворота! (Мы видим из зоны.) Летят обломки!

В оркестре - мелодия карателей.

Великолепная атака танков! Головной вырывается вперед и въезжает в разбитые ворота, расчищая путь от остатков баррикады. От нее отбегает сторожевое охранение.

Около нас - крики:

- Давят!..

Танки!..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Спасайся!..

Спокойно!

КАК БЫ НАИСКОСОК

мы видим слева вдали первые танки и пустую линейку от нас к ним,- а справа крупно входит в экран голова Гедговда. Он одобряюще улыбается нам:

- Господа, не волнуйтесь! Ничего плохого не может быть! Ведь они же не звери!

И он проходит мимо нас, наискосок, навстречу первому танку смешной длинный худой Бакалавр.

Рев танков, потрясенье земли.

Хор в небе:

ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ ВСКИПАЕТ, КАК ВОЛНА!

Гедговд идет по краю линейки, едва уступая танку дорогу,- и сбоку, движеньями рук, уговаривают его остановиться.

Танк резко виляет, сбивает Гедговда и, переехав его одной гусеницей, мчится на нас...

ИДЁТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

проносится через экран мимо нас...

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА!

Мимо трупа Гедговда несется второй танк, а сбоку сзади из щели высовывается рука.

Крупно.

Это Гай! Из щели бросает бутылку

в прошедший мимо танк, под башню! Разбилась бутылка, но не горит. Уходит танк!

А сзади - третий! Мимо Гая! Теперь Гай весь вылез из щели, стал на колени,

С НИМ РЯДОМ И МЫ У ЗЕМЛИ

и в остервенелом азарте боя бросает вторую, третью бутылку

в уходящий танк! Разлился огонь по броне! Запылал танк, уходя из кадра!

Но - грохот танка с другой стороны! Дрожит земля! Это - сзади следующий! Гай обернулся - поздно!..

Давят Гая у самой щели, и потом грохочут над нами гусеницы!

Около нас - месиво трупа Гая. Голова запрокинулась в нашу сторону - почти уцелевшее лицо с тем же азартом боя.

Музыка карателей и гибнущих!

И еще один танк мимо нас!

И еще один!..

И еще!..

И бегут за танками солдаты-краснопогонники мимо нас, выставив автоматы,

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
волнами,

волнами... Кто ближе к нам, у тех видим только сапоги.

И дальше все время – рев, лязг, стрельба. Хор:

ДАДИМ ОТПОР ДУШИТЕЛЯМ

БЕЖИМ И МЫ, ОБГОНЯЯ АВТОМАТЧИКОВ,

БОЯСЬ ОПОЗДАТЬ, ОПОЗДАТЬ.

Теперь мы лучше видим их лица, челюсти стиснутые.

ВСЕХ ПЛАМЕННЫХ ИДЕЙ!

Мы обогнали их. Теперь – вслед за танками, между бараками,

И ТУТ ОСТАНОВИЛИСЬ, И ОГЛЯДЫВАЕМ ВОКРУГ, И ОГЛЯДЫВАЕМ ВОКРУГ

бессмысленное, беспорядочное убегание эков – мужчин и женщин, в черном лагерьном.

РАЗБОЙНИКАМ, ГРАБИТЕЛЯМ

Их секут из пулеметов и устилают ими просторный лагерьный двор. Падают кучами, по несколько вместе, друг на друга вперекрест.

МУЧИТЕЛЯМ ЛЮДЕЙ!!!

И отдельно падают.

Вот танк утюжит впритирку к долгой стене барака.

Стальным боком своим он сдирает штукатурку, рвет дранку, сдвигает оконные косяки – и стекла сыпятся из окон, звенят, но никто не высовывается в решетки окон. Там – вагонки с жалкими арестантскими постелями и черная пустота.

Бегут два автоматчика вслед танкам и стреляют то в окна, то просто в стены барака.

Даже не их, а дула их видим перед собой, как будто сами бежим с автоматами.

Опять окно. Сквозь решетку пробивается лицо растрепанной безумной женщины. Она кричит нам:

– Хай бы вы пропалы, каты скаженные!

Наша короткая очередь – и она готова. Припала к решетке, руки свешиваются наружу.

ГНИЛОЙ ФАШИСТСКОЙ НЕЧИСТИ

ДАЛЬШЕ БЕЖИМ,

неся дула перед собой.

ЗАГОНИМ ПУЛЮ В ЛОБ

ВСЁ КОСО ДЁРНУЛОСЬ,

это мы споткнулись о труп заключенного.

Бежим дальше. Угол барака.

ОТРЕБЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

За углом – открытое крыльцо, ступеньки на все стороны.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Из дверей на крыльцо выбегает Володя Федотов. Он – с пустыми руками, в отчаянии хочет броситься на нас. Одно наше дуло в его сторону поднялось...

СКОЛОТИМ КРЕПКИЙ ГРОБ!

Из тех же дверей выбегает Аура. У нее мальчишеская быстрота.

Она взмахивает руками и загораживает жениха своим телом.

Выстрел! выстрел!

Убита! Не меняя позы, прямая, медленно начинает падать на нас.

НО ОБЪЕКТИВ УХОДИТ, ОН ПРОДОЛЖАЕТ С ЭТОГО МЕСТА КРУГОВОЙ ОСМОТР.

Еще одна открытая площадка между бараками, черные туши двух танков проносятся мимо.

Беспорядочно лежат трупы. Раненые корчатся. Отползают.

Поднимают голову – и снова кладут.

А вон, притиснувшись к углу барака, с ножом стоит Хадрис.

Нам видно, кого он ждет – автоматчика, бегущего вдоль другой стены. Сравнялись! Удар ножа в шею. Подкосились ноги автоматчика.

Хадрис вырвал себе автомат.

Оглянулся, ища, кого бить.

Увидел! Приложился, очередь!..

Пушечный выстрел близ нас.

Пламя сбоку в кадр! Черный фонтан на месте Хадриса! Ключья!

И нет уже ни его, ни угла барака.

ПОВОРАЧИВАЕТСЯ ДАЛЬШЕ.

Один убитый краснопогонник. А второй пытается встать.

ДАЛЬШЕ.

Тимохович без шапки, бритоголовый с характерным шрамом на лице идет в обнимку с некрасивой немолодой женщиной,

У них медленные обреченные движенья,

отчаянные глаза... Увидев

ВСТАЁТ СТРАНА ОГРОМНАЯ

танк, они делают несколько убыстренных шагов и, также обнявшись, падают под него.

Переехал и ушел из кадра.

ВСТАЁТ НА СМЕРТНЫЙ БОЙ

ПОВОРАЧИВАЕМСЯ ДАЛЬШЕ.

Никто уже не убегает, не ходит и не преследует...

С ФАШИСТСКОЙ СИЛОЙ ТЕМНОЮ

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Трупы на снегу... Трупы на снегу...

Издранная стена барака с отвисающей дранкой, с голой чернотой окон.

Та же женщина, убитая в решетке, со свесившимися наружу руками.

С ПРОКЛЯТОЮ ОРДОЙ.

И на тех же ступеньках Володя Федотов – лежит, обнимая, целуя убитую Ауру.

Вот теперь-то по завоеванному полю бегут между трупов

надзиратели! С палками! С железными ломиками!

Во главе их – Бекеч с заломленной лихо шапкой. Свирепые обрадованные лица!
Истеричный "матросик". Угольный надзиратель.

ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ

Какой-то драный хромой зэк лежал среди мертвых, теперь вскочил – и бежать в барак!

ВСКИПАЕТ КАК ВОЛНА!

Его настигли и избивают палкой! палкой! ломом!

Свалился.

ИДЁТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

А другие двое надзирателей на ступеньках барака выкручивают женщине руки, она кричит.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА!

Ударив по голове, сталкивают ее ногой в спину со ступенек на землю.

Еще бегут надзиратели и палками добивают раненых.

ОЧЕНЬ МЕДЛЕННОЕ ЗАТЕМНЕНИЕ.

И тогда – полная тишина.

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ.

Подбородок, офицерский погон на шинели и фанерная дощечка в руках, а на ней – уже много законченных квадратиков, какими точкуют бревна. Карандаш проводит черточку на последнем из них.

Почти шепотом:

– ...Четыреста пятьдесят восемь...

ОТХОДИМ.

Это лейтенант, начальник Культурно-Воспитательной части, предлагавший кино. Он стоит у края большой ямы и считает убитых, сбрасываемых в нее.

Каждого убитого подносят четверо заключенных на куске брезента, прибитом к двум палкам. Они не поднимают голов смотрят только на край ямы, чтоб не оступиться.

Ссунув мертвого в яму головой вперед, уходят с пустыми носилками.

А другого стряхивают вперед ногами...

Шорох и стуки падения.

Там в яме, окоченевшие, они торчат как бревна – руками, ногами, локтями. Мужчины

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru и женщины.

Три бравых краснопогонника стоят по углам большой квадратной ямы. Валки свежей глины окружают яму.

КРУПНО.

Опять те же руки, дощечка и карандаш. Проводит диагональку:

- ...Четыреста пятьдесят девять...

Запечатывает десятку:

...Четыреста шестьдесят...

ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Тот кабинет в санчасти. Но за врачебным столом сидит теперь пожилая толстая начальница. Она - с погонами майора медицинской службы. Волосы ее окрашены в медный цвет. Гимнастерка едва объемлет корпус. Рядом у того же столика сидит оперуполномоченный.

Перед ними не на вытяжку, но прямой, стоит Галактион Адрианович. В глубине, у двери, видим еще надзирателя. Оперуполномоченный:

- Но именно их двоих нам надо взять на следствие и на суд!

Галактион Адрианович:

- Но именно этих двух выписывать из больницы сейчас нельзя. Один проглотил столовую ложку - и позавчера мы ему сделали вторую операцию. А у того - швы загноились.

Женщина бьет кулаком о стол:

- Так я их выпишу, если вы труситесь!

КРУПНО.

Гадкая, слюной брызжет:

...Я тоже врач! Я всю жизнь в лагерях работаю! И вы мне очки не втирайте! А потом они будут ножи глотать,- а следствие будет их ждать?

Оперуполномоченный. Смотрит пристально, чуть вверх (на стоящего):

- Он не трусится. Он просто до конца верен мятежникам.

Галактион Адрианович старается, чтобы лицо его не дрогнуло. Будто это не о нем.

...И если он все операции кончил, я бы его сейчас уже арестовал.

Голос начальницы:

- Да забирайте его, пожалуйста! Дерьма такого найдем.

Чуть поднялась одна бровь. Медленно снял белую шапочку с седой головы. Расстегнул халат. Снял.

Будто в рассеянности обронил снятое белое на пол - и пошел к выходу. На спине его курточки - номер. У двери надзиратель:

- Р-руки назад! Порядка не знаешь?..

Так и остались халат и шапочка на полу близ ножек стола и туфель начальницы.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
И подземный рокот ударных.

НА ШИРОКОМ ЭКРАНЕ

не сразу вырисовываются низко нависшие своды подземного коридора, идущего вдоль экрана. Глыбы сводов занимают его верхнюю половину. Багровые отсветы едва освещают каменные поверхности.

Ясный ГОЛОС С ВЫСОТЫ:

- Именем Советского Союза. Военный Трибунал Равнинного лагеря МВД...

Струнные заглушают голос.

...К высшей мере наказания!..

Сбоку появляется в подземельи видный нам лишь по грудь - Петр Климов. Опустив голову, с руками, завязанными за спиной (это чувствуется по плечам), обросший, в лохмотьях, он идет, как тень. Он плохо виден и не слышен вовсе - он скользит под этими глыбами вдоль толщи стены...

Тот же голос:

...Заклученного Климова!

Не рука - черная тень руки с пистолетом, будто пересекая луч кинопроектора, - вдвигается на экран, недолго следует за затылком жертвы и выстрел! гул под сводами!

красная вспышка у дула, - стреляет в затылок. Тело Климова вздрагивает и ничком падает, не видно куда. Тень руки исчезла.

Те же струнные!

И оттуда ж, такую же тенью, вступает Иван Барнягин.

Голос:

...Заклученного Барнягина!

И та же тень руки с пистолетом вступает в экран. Ведет дуло за затылком. Вспышка в затылок!

Выстрел. Гул.

Убитый Барнягин начинает поворачиваться к нам и рухает боком. Вниз. Исчезла и стрелявшая рука.

Струнные!

И беззвучной же медленной тенью тот же путь повторяет Володя Федотов.

Голос:

...Заклученного Федотова!

И - рука с пистолетом в затылок. Вспышка! Выстрел!

Плечи Федотова взбросило, голову запрокинуло назад, и мальчишеский стон вырвался в вал!.. Выстрел! Выстрел!..

Еще двумя поспешными вспышками его достреливают, он оседает, исчезает с экрана ВНИЗ.

В НАЧИНАЮЩЕМСЯ ЗАТЕМНЕНИИ

ГОЛОС:

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
...Заключенного...

Не слышно. Замирание всех звуков.

И вдруг – тот счастливый эстрадный мотивчик, с которого начались воспоминания Мантрова.

Яркий солнечный день в лагерной столовой со столбами. Заглядывающие лучи солнца – в парУ баланды. Все забито – проходы и за столами. На деревянных подносах разносят миски. А на помосте – играет оркестр.

Первая скрипка – С-213. Он беззаботно водит смычком, чуть покачивается. Его довольное жирное лицо улыбается.

незатейливый веселенький мотивчик!

У остекленной двери на кухню, рядом с раздаточным окошком, стоит Абдушидзе в поварском колпаке, халате, с большим черпаком в обнаженных волосатых руках. Он молодецват, маленькие незаконные усики под носом. Перекладывая черпак из руки в руку, широко размахивает правой:

– Привет, бригадир! Ну как? Отоспался с дороги?

И хлопает в рукопожатие с Виктором Мантровым. Мантров чисто побрит, улыбается, сдержанно, пожалуй, печально. Подходит еще третий заключенный:

– Кокки! Виктор! А куда вас возили?

Абдушидзе с достоинством:

– На суд, куда! На суд! Свидетелями.

Повар и бригадир. Миновали бури.

Эстрадный мотивчик.

КОСАЯ ШТОРКА. ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

У себя в кабинете сухой прораб в синей шинели, не садясь, нога на стул, кричит по телефону (в окне разгораются алые отсветы):

– Это – политическая диверсия!.. Это явный поджог!.. Их мало танками давить – их надо вешать каждого четвертого!! Цех стоит три миллиона рублей! Если я сяду на скамью подсудимых, то я многих за собой потяну, обещаю!.. Да что наши пожарные? Это – калеки! У одной мотор заглох, у другой шланг дырявый!.. Мобилизуйте конвой, мобилизуйте кого угодно – помогите мне потушить!..

Бросает трубку, бежит к двери.

КОСАЯ ШТОРКА. ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Музыкальный удар! Стихия огня!

Пылает тот корпус, сплошь деревянный! Он охвачен с коротких и длинных сторон Огонь, раздуваемый ветром, хлещет вдоль стен, факелами прорывается в окна! Огонь багровый с черным дымом.

И кирпичный. Красный! Алый! Багряный! Розовый. Оранжевый. Золотистый. Палевый. Белый.

Ликует музыка огня!

Обнажились от крыши стройные ребра стропил – и еще держится их клетка, перед тем как рухнуть. Подхваченные восходящими струями горячего воздуха, рев этих струй в музыке, взлетают, рассыпаются и ветром разносятся по сторонам снопы искр, огненной лузги. Чем ярче пожар – тем чернее кажется пасмурное небо.

Со всех сторон по открытому пространству, по серому обтаявшему снегу, по

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru гололедице – сходятся заключенные. Они становятся широким кольцом – поодаль от пожара.

Озаренные всеми оттенками огня – лица заключенных!

Мы непрерывно оглядываем эту вереницу, немного задерживаясь на знакомых.

Очень хмур, очень недоволен полковник Евдокимов (опять в телогрейке и с номерами). Губы закусил. Широкоплечий, на полголовы выше соседей.

С-213. Трясутся толстые щеки. Вполголоса:

– Да что ж это? Что ж это? Надо тушить. На нас подумают, ребята!

Но не шевелятся соседи.

Прокаленные и перекаленные зэки. Раз горит – значит, так нужно.

Даже злорадство на лицах: строили сами, сами сожгли, ничуть не жаль.

Кишкин, озаренный огнем, декламирует с преувеличенными жестами:

– Прощай, свободная стихия!

Гори, народное добро!

Соседи смеются.

Лица, лица, Ни на одном нет порыва тушить.

Непроницаемое лицо Мантрова. Он не напуган и не рад. Он вернулся к своему постоянному умному самообладанию.

Но любованием, но волнением озарено лицо старика в блестящих очках, Он шепчет:

– По-хороны ви-кингов!

Сосед:

– Почему?

– Скандинавский обычай. Когда умирал герой, – зажигали ладью умершего и пускали в море!

– Светло-оранжевое торжество победившего пожара. Полнеба в нем.

Крыши нет – сгорела. Невозбранно горят стены цеха – борта ладьи убитых викингов... И ветер гнет огромный огонь – парусом! Облегчение и в музыке. Смертью попрала смерть.

А прораб, путаясь в шинели, шапка на затылке, бежит вне себя перед цепью неподвижных заключенных:

– Что за зрелище? Что вы стоите и смотрите? Подождли – и смотрите?

Вслед ему на драной рыжей лошаденке едет спокойный старый казах в санях с лопатами.

БЛИЖЕ.

Прораб бежит и кричит:

– Надо тушить! Бригадиры! Мантров! Польшанов! Надо тушить!

Маленький Польшанов (с ним поравнялся прораб). Невозмутимо:

– А как? – тушить?..

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Прораб размахивает руками:

- Как тушить?! Вон лопаты разби... разби... раздавайте людям! Снегом засыпайте!

Убежал дальше. Вместо него в кадр въезжает лошадь и голова казаха со щиплой бороденкой, в рыжей шапке (сам казах сидит ниже). До чего ж спокоен казах! - как идол в степи.

Полыганов оскалился (не он ли и поджег?..):

- Что ж, ребята, приказ - лопаты брать. Снег руби - и кидай туда. Кидай.

Над санями. Безучастно разбирают лопаты.

ИХ ЖЕСТЯНОЙ ГРОХОТ.

ОБЩИЙ ВИД

пожара. Уже падает сила огня. Уже стены местами выгорела до земли. И - жалкие мелкие человеческие фигурки копошатся вокруг.

Набирает силу звука - заупокойная месса.

БЛИЖЕ.

О, лучше б их не заставляли! Эти не совместимые с пожаром медленные подневольные движения рабов.

Мы движемся, движемся перед их растянутым фронтом. Они скребут лопатами лед - и бросают жалкие горсти его в нашу сторону, в нашу сторону. Лица их, красные от огня, злорадны и скорбны.

Заупокойная месса!

Маятник. Мы не видим, где он подвешен (над экраном где-то). А низ его очень медленно качается по экрану, самым видом своим обомшелым показывая, что считает не часы. Он переходит в одну сторону, снимая с экрана догорающий пожар, заменяя его скудным выжженным степным летом, которое мы видим через колючую проволоку.

И проходит в другую сторону, заменяя лето пеленой и сугробами зимы (но неизменна осталась колючая проволока).

Качанье. Опять лето.

Качанье. Опять зима.

Последним вздохом умерла музыка.

Последним качанием маятник открывает нам

ОБЫЧНЫЙ ЭКРАН.

Снизу вверх по нему медленно движется белая бумага, на которой с канцелярской красотой выписано

и голос Мантрова, содрогаясь, повторяет эти слова отдельно:

ПОДПИСКА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ

Я, Мантров, Виктор Викторович, даю настоящую подписку при своем освобождении из Равнинного лагеря МВД СССР, в том, что я никогда и никому не разглашу ни одного факта о режиме содержания заключенных в этом лагере и о событиях в лагере, которым я был свидетель.

Мне объявлено, что в случае нарушения этой подписки я буду привлечен к судебной ответственности по Уголовному Кодексу РСФСР.

Бумага останавливается на последних строчках. С верха экрана над ней выдвигается

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
ручка с пером. Виден обшлаг защитного кителя с небесным кантом. Снизу навстречу
ей появляется тонкая нервная рука Мантрова.

Берет перо. Подписывается. На это время рука в кителе скрывается,
затем, сменяя руку Мантрова, возвращается с тяжелым пресс-папье
и неторопливо промокает, раскачивая, раскачивая
ВСЁ КРУПНЕЙ
пресс-папье.

.
Взрыв наглой эстрадной музыки, хохот саксофона.

Белая скатерть во весь экран, и та же самая рука Мантрова тянется за рюмкой.
Уносит ее.

Виктор пьет. Опустив рюмку, смотрит горько...

...на первую скрипку. Тот играет и, кажется, насмехается.

Лицо у него такое же толстое и внешне добродушное, как у...

НАПЛИВОМ

что это? С-213? Нахально оскалился, покачиваясь в такт, подмигнул!

ШИРОКИЙ ЭКРАН.

Вот и весь оркестр. Нет, это почудилось. Никакого С-213. Ресторанные
оркестранты.

И весь ресторан на веранде. Розово-фиолетовые цветы олеандров заглядывают в ее
пролеты.

Альбина берет Виктора за руку:

- Вам больно вспоминать! Не надо! Не надо!

Муж золотистой дамы:

- Да и какой дурак это придумал - старое ворошить? Сыпать соль на наши раны!

Ест с аппетитом. Дама:

- Вспоминать надо только хорошее! Только хорошее!

И Виктор согласен. Он нежно смотрит на

Альбину. Вот она, истина и жизнь! - хорошенькая девушка, цветок на груди.

Только хохочущая музыка раздражает, напоминает...

Соединенные на столе руки - мужская и женская. Похожи на т е. И не похожи.

Молодые встают:

- Мы хотим побродить.

Старшие кивают:

- Идите, конечно, идите.

И Альбина, а за ней Виктор проходят между столиками

Знают истину танки! Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru под арку входа – Ресторан "Магнолия" – и спускаются к нам по ступенькам, держась за руки. Навязчивая музыка глуше и исчезает.

Завернув по аллейке с розовой ватой цветов, они останавливаются в уединенном уголке.

Альбина, волнуясь:

– И не надо ничего рассказывать! Я все понимаю! – мой отец умер в лагере. Но вы победили все ужасы, вы оказались сильнее других!

Виктор:

– Давайте забудем! Давайте все забудем!.. Помогите мне забыть! Соединяются в поцелуе.

ПО ВСЕМУ ЭКРАНУ

сверху вниз начинают сыпаться струйки желтого песка. Сперва тонкие, отдельные, потом все шире и оплошней, – и вот уже густым обвалом, тем самым обвалом, каким засыпало работяг в траншее, закрыло от нас целующихся.

Как будто чьи-то руки – пять пальцев и еще пять – хотят выбиться из песка, но тщетно.

Поглощает и их.

Сыпется, сыпется желтый песок забвения.

Наискосок по нему, налитыми багровыми буквами, проступает строка за строкой посвящение фильма:

ПАМЯТИ ПЕРВЫХ, ВОССТАВШИХ ОТ РАБСТВА,

ВОРКУТЕ,

ЭКИБАСТУЗУ,

КЕНГИРУ,

БУДАПЕШТУ,

НОВОЧЕРКАССКУ...

Я мало верил, что этот фильм когда-нибудь увидит экран, и поэтому писал его так, чтобы будущие читатели могли стать зрителями и без экрана.

Пусть же не посетуют на меня режиссер, оператор, композитор и актеры. Они, разумеется, свободны от моих разметок.

1959 Рязань

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!